

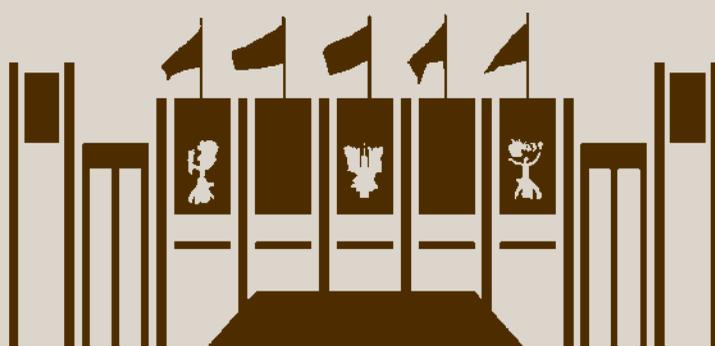
Научно-координационный совет
по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

выпуск 1
июнь 2005

Юрий Федоров

Современный терроризм: особенности и перспективы

Центр исследований
проблем войны и мира

ББК 66.4
Ф 33

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

*Научно-координационного совета по международным исследованиям
МГИМО (У) МИД России*

Выпуск 1

июнь 2005

Тема

«Современный терроризм: особенности и перспективы»

Главный редактор: Андрей Мельвиль

Редактор: Тамара Тищенко

Дизайнер: Николай Винник

Адрес редакции: 119454 Москва,
проспект Вернадского, 76, НКСМИ
МГИМО (У) МИД России

E-mail: ktsmi@mgimo.ru

Издается при поддержке
Центра интернет-политики
МГИМО (У) МИД России

Точка зрения авторов может не совпадать
с позицией и оценками других специалистов
НКСМИ МГИМО (У).

Отпечатано в отделе
оперативной полиграфии
и множительной техники
МГИМО (У) МИД России
119218, Москва,
ул. Новочеремушкинская, 26
Заказ №251. Тираж 500 экз.
Подписано в печать 30.05.2005

© Федоров Юрий Евгеньевич, 2005
© МГИМО (У) МИД России, 2005

Электронная версия данной публикации распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution-NonCommercial 2.0

Научно-координационный совет
по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России

Центр исследований проблем войны и мира

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ДОКЛАДЫ

выпуск 1
(июнь 2005)

Юрий Федоров

Современный терроризм: особенности и перспективы

Москва
МГИМО – Университет
2005

Содержание

Введение	3
Стратегическая угроза XXI века	17
«Технологический терроризм»	27
Эволюция терроризма: от «тираноборчества» к «новому джихаду»	31
Четвертая мировая война	51
Некоторые проблемы противодействия терроризму	66
Заключение	75
Приложения	78

«... Можно говорить о мировой войне, но только не о третьей, а о четвертой и единственной подлинно мировой войне, поскольку ставкой в ней является глобализация. ... Первая мировая война положила конец превосходству Европы и была завершением эры колониализма. Вторая — положила конец нацизму. Третья, — которая велась в форме холодной войны и сдерживания, подвела черту под коммунизмом. Каждая из них все больше приближала мир к установлению единого порядка. Сегодня, возможно, этот порядок близок к своему концу. Это выражается в столкновении антагонистических сил, рассеянных по всему миру, выражается во всех современных конвульсиях. ... Четвертая мировая война — она везде».

*Жан Бодрийяр
«Дух терроризма»¹*

Введение

Подъем в нынешнем десятилетии террористической активности поставил перед учеными и политиками, военными ведомствами и полицейскими службами несколько важных вопросов, ответы на которые становятся все более неотложными:

- Насколько опасна эта активность и в чем именно заключаются порождаемые ею угрозы? Не является ли представление о терроризме как о глобальной стратегической угрозе эмоционально или политически обусловленной гипертрофированной реакцией на трагические события 11 сентября 2001 года?
- Сталкивается ли сегодня мир с новыми разновидностями терроризма и, если да, то в чем состоит их специфика?
- Каковы движущие силы и истоки современного терроризма, его социальная природа?
- Есть ли основания говорить о третьей или, как, видимо, справедливо писал Жан Бодрийяр, о «четвертой мировой войне», пронизывающей все ячейки современной глобальной системы?

Эти проблемы находятся сегодня в центре острых научных и политических дискуссий. В официальных документах России, США, Европейского Союза и ООН, ряда других международных организаций терроризм, как правило, в сочетании с распространением оружия массового поражения характеризуется как угроза стратегического уровня². Вместе с тем, можно встретить утверждения, что опасность терроризма сильно преувеличена.

¹ Jean Baudrillard «L'esprit de terrorism». — «Le Monde». — 3 Novembre 2001

² В Резолюции 1566 (2004), принятой Советом Безопасности ООН 8 октября 2004 года, говорится «терроризм во всех его формах и проявлениях представляет собой одну из самых серьезных угроз миру и безопасности». В американском директивном документе «Национальная стратегия борьбы с терроризмом» подчеркивается, например «...Мы не можем сми-

Острые споры ведутся относительно стратегии противодействия терроризму, прежде всего о соотношении политических и силовых средств борьбы с ним. Ответ на этот вопрос во многом связан с представлениями о факторах, порождающих террористическую активность. Однако единой точки зрения относительно причин терроризма вообще и особенно его подъема в последние годы нет.

В рамках одних концепций терроризм трактуется как чрезмерно острая, экстремальная, но в принципе понятная реакция на бедность, социальную несправедливость и национальную дискриминацию. В нем видят борьбу «бедных» против «богатых», «неимущих против имущих», обостряющуюся в результате быстро набирающей темпы глобализации и информационной революции³. Учитывая широкое распространение бедности в современном мире, такая точка зрения высвечивает глобальный характер нарастающей террористической волны. Вместе с тем, она может служить, пусть косвенным, частичным, но все же моральным оправданием терроризма. Собственно, именно так трактуют терроризм сами террористы, особенно левого толка. Некоторые их лидеры подчас воспринимаются как своего рода современные Робин Гуды, благородные борцы за права угнетенных, а кое-кто из них, например, Че Гевара и Хуан Карлос Маригелла стали кумирами части мирового общественного мнения. Другие концепции рассматривают терроризм как одно из проявлений конфликта постиндустриальных и традиционных обществ, возникающего в результате неспособности последних адаптироваться к ускоряющимся процессам глобальных изменений. Третьи видят в нем одну из форм «столкновения цивили-

риться с террористами, которые стремятся использовать современные технологии и оружие массового уничтожения для того, чтобы угрожать самому понятию цивилизованного общества. Война с терроризмом, таким образом, является не «столкновением цивилизаций», но столкновением между цивилизацией и теми, кто стремится ее разрушить». — «*National Strategy for Combating Terrorism*». — February 2003. — P.29. В принятом Европейским Союзом документе «Европейская стратегия безопасности» говорится, что терроризм «представляет растущую стратегическую угрозу для Европы в целом. Террористические движения все лучше оснащены, связаны друг с другом электронными сетями и стремятся использовать неограниченное насилие для того, чтобы вызвать массовые потери». — «*A Secure Europe in a Better World*». — *European Security Strategy*. — Brussels. — 12 December 2003. — P. 3EN. В выступлениях президента Владимира Путина терроризм, наряду с распространением оружия массового уничтожения и региональными конфликтами, неоднократно характеризовался как наиболее острая угроза национальной и международной безопасности. Так, в Послании Федеральному Собранию от 26 мая 2004 года Путин подчеркнул, что «адекватный ответ на наиболее острые угрозы XXI века — международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, региональные конфликты — можно дать лишь солидарными усилиями мирового сообщества, с опорой на инструменты ООН и международное право». — http://www.president.kremlin.ru/appears/2004/05/26/2003_type63372_71501.shtml.

³ В частности, председатель британского Королевского института оборонных исследований Майкл Александер писал вскоре после событий 11 сентября 2001 года о надвигающейся войне с терроризмом: «Эта война, помимо всего прочего, будет борьбой между имущими и неимущими, между теми сообществами и молодыми поколениями, которые чувствуют себя политически и экономически обделенными, с одной стороны, и теми, кто, выигрывая от существующего статус-кво, защищает свои традиции, принципы и удобства, с другой. ...Напряженность, порождающая террористов в странах третьего мира, причем не только на Ближнем Востоке, подстегивается информационной революцией, которая побуждает обездоленных все активнее восставать против своего неравного положения». — *Sir Michael Alexander. «The War We Now Face»*. — «*RUSI News-briefs*». — October 2001. — Vol. 21. — No. 10. — P.109.

заций», предсказанного Самуэлем Хантингтоном. Четвертые – считают терроризм следствием большой психики.

Есть и другие спорные вопросы, относящиеся к современному терроризму и его специфике. Между тем, без ясных ответов на них, трудно, а, может быть, вообще невозможно выработать эффективную стратегию противоборства с ним. Данная работа, разумеется, не претендует на то, чтобы предложить сколько-нибудь полный и, тем более, окончательный анализ только что обозначенных весьма сложных вопросов. Тем не менее, автор надеется, что представленные размышления окажутся небесполезными как в академическом, так и в практическом отношениях.

Терроризм: проблема определения

Единое понимание терроризма сегодня отсутствует. В уголовном законодательстве различных стран, в документах международных организаций, а также в академических разработках содержится множество различных определений этого явления. В большинстве своем, они содержат перечисления соответствующих насильственных действий: убийств, взрывов, захвата заложников и так далее. В сущности, этого достаточно для уголовного преследования и наказания террористов. Важно лишь последовательно провести в законодательстве и, главное, реализовать в правоприменительной практике положение о том, что совершение таких действий по политическим мотивам, например, в целях национального освобождения не меняет их преступной сути и не может служить их юридическим или моральным оправданием.

Однако научный анализ современного терроризма, позволяющий выявить тенденции и движущие силы его развития, формирование на этой основе эффективных мер его предупреждения и пресечения требуют функционально-четких, принятых международными политическими, правоохранительными и научными сообществами определений, понятий и критериев, позволяющих выявить сущностные особенности этого феномена и выделить его на фоне внешне похожих общественных явлений. Это важно, например, для составления и утверждения согласованных списков террористических организаций, подлежащих международному преследованию.

Террор и терроризм

Необходимо, прежде всего, провести четкую грань между двумя сходными, но не тождественными понятиями «террор» и «терроризм»⁴. Принятых всеми специалистами критериев различия их пока нет. Вме-

⁴ Термин «террор», а точнее – «regime de la terreur» (режим террора) появился в политическом лексиконе в период Великой французской революции в качестве обозначения массовых репрессий против аристократии, духовенства и сочувствующих им элементов со стороны якобинского режима и вышедших на политическую арену плебейских масс.

сте с тем, представляется обоснованной разделяемая многими экспертами точка зрения, согласно которой под «террором» понимаются массовые репрессии, осуществляемые государственными институтами с целью подавления реальной или предполагаемой оппозиции, а также для уничтожения определенных социальных, этнических или религиозных групп⁵. Последнее либо обусловлено тем, что предназначенные для ликвидации слои и группы считаются имманентно враждебными режиму, либо вытекает из его идеологических или религиозных установок. Так, массовые репрессии во Франции в период якобинской диктатуры или в коммунистических странах могут в известной мере объясняться стремлением физически устранить социальные слои и группы, оппозиционные режиму или считающиеся таковыми. В свою очередь, уничтожение евреев нацистским режимом было практически полностью обусловлено идеологическими мотивациями.

Трактовка террора как политически и идеологически мотивированных массовых репрессий, вплоть до геноцида, со стороны государства подводит к необходимости найти отдельное определение для систематического насилия со стороны групп и движений, противостоящих государственной власти и ведущих с ней вооруженную борьбу, руководствуясь, как и государство, совокупностью политических и/или идеологических установок. Логично было бы определить такого рода насилие как терроризм. Впрочем, возможна и своего рода «зеркальная» схема, предполагающая, что терроризм есть насилие со стороны государства, а террор — насилие со стороны оппозиционных движений. Но в любом случае различие между террором и терроризмом вытекает из дихотомии «власть — оппозиция».

Терроризм и «освободительная борьба»

Общее понимание терроризма как систематического насилия, направленного против государственной власти или, более широко, против сложившейся общественной системы, отражает исторические реалии. Однако ситуация с определением этого явления, особенно когда речь идет о формуле, отражающей его социальное и политическое содержание, складывается гораздо сложнее. На протяжении более 150 лет (а многие эксперты считают, что намного дольше) терроризм является важным элементом мировой политики, но единого

⁵ В этой связи полезно привести мнение видных российских специалистов В.В. Витюка и И.В. Данилевича. Они пишут: «Понятия «террор» и «терроризм» в течение длительного времени выступали как абсолютно тождественные до тех пор, пока исторически не выявилось различие между открытым насилием со стороны государства и вооруженным насилием оппозиционных групп Это вызвало раздвоение представлений о терроризме, что в свою очередь потребовало конкретизации терминологии. Ко второй половине XX века уже практически полностью определилось словоупотребление, согласно которому понятие «терроризм», как правило, применяется к деятельности экстремистских оппозиционных групп, а понятие «террора» — к открытому насилию со стороны государства». — В.В. Витюк, И.В. Данилевич. *Терроризм как политический феномен и как теоретическая проблема. В: Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / Отв. ред. В.В. Витюк и Э.А. Паин. — РАН. — Институт социологии. — Москва, 2003. — С. 12.*

принятого в научных работах и утвержденного в международно-правовых документах определения, раскрывающего его социально-политическую природу, нет. Невольно возникает впечатление, что мы имеем дело со своего рода «ускользающей сущностью».

С одной стороны, это связано со сложностью и многогранностью самого терроризма. В частности, этим термином обозначается широкий спектр действий: от насильственных актов, совершаемых одиночками, страдающими больной психикой, до хорошо организованной массовой партизанской войны. С другой — с морально-политическим релятивизмом. Он выражается в попытках разделить терроризм как преступное, подлежащее безусловному осуждению, пресечению, уголовному преследованию и наказанию насилие, и «национально-освободительную», «партизанскую», «революционную» борьбу как насилие справедливое и оправданное.

Такое разделение во многом понятно. Нередко симпатии общественного мнения и политического сообщества той или иной страны или группы стран оказываются на стороне организаций и движений, ведущих вооруженную борьбу против иностранной оккупации, репрессивного тоталитарного режима или разложившейся, глубоко коррумпированной правящей клики авторитарного типа. Вместе с тем, критерии, на основе которых пытаются различить терроризм и «справедливую» вооруженную борьбу, весьма условны, субъективны, зависят от политических и идеологических установок, не имеют общепринятой международно-правовой трактовки. По сути дела, любые попытки разграничить терроризм и «освободительную борьбу» сводятся к издревле присущему человеческой психике делению мира на «мы» и «они».

Международно-правового решения этой проблемы нет. В одних международных документах подчеркивается, например, что насилие «под лозунгом самоопределения» представляет собой терроризм⁶. В других документах, в том числе в некоторых документах ООН, вооруженная борьба за национальное освобождение признается законной. Территории так и не созданного палестинского государства, а также земли, потерянные арабскими странами в результате нескольких арабо-израильских войн, часто рассматриваются как оккупированные Израилем. Борьба за их освобождение не считается в арабском мире терроризмом⁷. Но при этом противники

⁶ Так, в Московской декларации Российской Федерации и Республики Индии «О международном терроризме» от 6 ноября 2001 года говорится: «В полиэтнических и демократических странах, таких, как Российская Федерация и Республика Индия, насильственные действия, совершаемые под лозунгом самоопределения, в действительности представляют собой акты терроризма, имеющего зачастую разветвленную международную структуру». — *Борьба с международным терроризмом. Сборник документов*. — Москва: Проспект, 2005. — С. 552.

⁷ Это положение зафиксировано даже в некоторых международно-правовых документах. Так, в Конвенции Организации исламская конференция «О борьбе с международным терроризмом», принятой 1 июля 1999 года, (статья 2) говорится «Борьба народов, включая вооруженную борьбу против иностранной оккупации, агрессии, колониализма и гегемонии, направленная на освобождение и самоопределение в соответствии с принципами международного права не должна рассматриваться как террористическое преступление». — *Борьба с международным терроризмом. Сборник документов*. — Москва: Проспект, 2005. — С. 276.

Израиля умалчивают, что все эти войны были либо спровоцированы арабами, как это было в 1967 году, либо, как во всех остальных случаях, представляли собой прямую агрессию против Израиля. Подобных примеров можно приводить немало. Такая неопределенная ситуация серьезно затрудняет выработку и осуществление эффективных мер по борьбе с терроризмом⁸.

Субъекты террористической деятельности

Определение терроризма, раскрывающее его социальное содержание, требует ясного обозначения субъектов террористической деятельности. Некоторые из имеющихся определений терроризма явно или неявно предполагают, что таким субъектом является негосударственные действующие лица: движения, организации, плохо структурированные группы и отдельные личности. Соответствующее положение содержится, в частности, в американском законодательстве⁹.

Это весьма важный момент. Однако такая трактовка субъекта террористической деятельности требует небольшого, но существенного дополнения. Применительно к терроризму речь идет о насилии, осуществляемом не просто негосударственными действующими лицами, но, точнее, группами, организациями, движениями или индивидами, не имеющими легального права на применение вооруженной силы. В этом состоит, как представляется, принципиальный отличительный признак терроризма. Он, в частности, позволяет устранить один из источников субъективизма в определении и согласовании единых, признанных в международно-правовом порядке списков террористических группировок и тем самым облегчить борьбу с ними.

Такой подход сразу ставит проблему разграничения терроризма и «государственного терроризма». Под последним может иметься в виду совершение государственными органами действий, по своему содержанию и нацеленности аналогичных акциям, совершаемым негосударственными террористическими организациями. Эта проблема связана с еще более важной – государственной поддержкой тех или иных

⁸ Видный израильский политик Беньямин Нетаньяху совершенно справедливо пишет в этой связи: «Стоит нам только начать делать разницу между теми или другими актами террора, одни оправдывать, а другие осуждать, как мы утратим ту моральную цельность, без которой нам не победить. ... Та же моральная цельность помогла союзникам искоренить нацизм в XX веке. Они не задавались вопросом, что породило ... нацизм, потому что знали, что есть вещи, которые являются злом по своей сути и не заслуживают ни «понимания», ни сочувствия. Они не задавались вопросом, был ли Гитлер прав насчет несправедливости, якобы допущенной в отношении Германии в Версале». — Беньямин Нетаньяху. *Война с терроризмом. Как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма*. — Москва, 2002. — С. 22-23.

⁹ В статье 2656 f(d) Раздела 22 Свода законов США содержится следующее определение терроризма: «Термин терроризм означает политически мотивированное насилие, совершенное негосударственными группами (subnational groups) или нелегальными действующими лицами (clandestine agents) с заранее обдуманной целью и обычно с целью оказания воздействия на общественность». Цит. по: «*Patterns of Global Terrorism 2003*». — April 2004. — US Department of State. — P. xii.

террористических организаций. Такая поддержка включает в себя обучение террористов, предоставление им финансовых средств, оружия, укрытий, различных объектов инфраструктуры и так далее. Во многих случаях государственная поддержка является критически важным условием эффективного функционирования террористической организации в течение относительно длительного времени¹⁰.

Объекты террористической деятельности

Во многих определениях указывается, что терроризм, как политически или идеологически мотивированное насилие, направлен против мирного населения и/или некомбатантов¹¹. Соответствующие формулы содержатся, в частности, в уже упоминавшемся американском законе, законодательстве ряда других государств, а также воспроизводятся в большинстве документов ООН¹². Этот вопрос имеет принципиальное значение. Если под терроризмом понимается применение насилия только против мирного населения, то тем самым насилие против вооруженных сил и правоохранительных органов терроризмом не считается. На практике это, например, означает, что когда исламские боевики убивают мирных жителей в России, Израиле или Ираке, они являются террористами. Но если те же самые группировки убивают российских, израильских и американских солдат или взрывают полицейские участки, то они уже не террористы, но партизаны, «борцы за национальное освобождение» или за освобождение оккупированных территорий.

Однако дело не только в этих конкретных примерах, хотя они иллюстрируют практическую невозможность выделить «в чистом

¹⁰ В частности, во время русско-японской войны японская разведка финансово поддерживала российские революционные организации. В первую мировую войну Германия содействовала ирландским террористам и российским большевикам. Россия, в свою очередь, оказывала помощь армянским боевым организациям «Дашнакцутюн», действовавшим на территории Турции, а власти Османской империи снабжали динамитом российских террористов. В период «холодной войны» СССР, ГДР, Куба и другие социалистические страны оказывали поддержку левым террористическим организациям, а также палестинским террористическим движениям. США поддерживали антикоммунистические движения террористического толка, главным образом в Латинской Америке и в Афганистане. В последнем случае США действовали совместно с Саудовской Аравией, Пакистаном и рядом арабских государств. В начале XXI века, по американским данным, непосредственную государственную поддержку террористам оказывают Иран, Сирия, Куба, Северная Корея, Ливия, Судан.

¹¹ Термин «некомбатанты» обычно включает в себя мирное население и военнослужащих, не выполняющих боевого задания и/или не имеющих оружия в соответствующее время.

¹² В опубликованном в декабре 2004 года докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам говорится, например, что определение «терроризма» должно включать его описание как «любого деяния, в дополнение к деяниям, уже указанным в существующих конвенциях по различным аспектам терроризма, Женевских конвенциях и резолюции 1566 (2004) Совета Безопасности, которое имеет целью вызвать смерть мирных жителей или некомбатантов или причинить им тяжкие телесные повреждения, когда цель такого деяния, в силу его характера или контекста, заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения». — *Более безопасный мир: наша общая ответственность. — Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. — Документ ООН A/59/565. — Пункт 164. — 2 December 2004. — С. 61.*

виде» террористическое насилие, обращенное только против вооруженных сил и правоохранительных ведомств. По сути дела, определение терроризма как насилия, осуществляемого только против мирных жителей, легитимизирует любые виды вооруженной борьбы против правительственных сил, в том числе захват власти, насильственные формы сепаратизма и ирредентизма, различные партизанские войны, революции и тому подобное. Прямое или косвенное признание права на ведение вооруженной борьбы против правительства создает многочисленные юридические коллизии и политические трудности в организации международного антитеррористического сотрудничества, открывает лазейки для признания террористических организаций и движений в качестве легитимных субъектов мировой политики и международного права¹³. В конечном итоге, это связано с отсутствием международно-признанных критериев, позволяющих выделить правительства и режимы, вооруженная борьба против которых может считаться законной.

При этом, как показывает практика, любые вооруженные действия негосударственных группировок как против властей своего государства, так и против правительств других государств неизбежно сопровождаются многочисленными жертвами среди мирных жителей. Эти жертвы не случайны, но закономерны. Одной из основных целей любого политического движения, обращающегося к силовым методам борьбы, является обеспечение поддержки со стороны гражданского населения. Последнее нередко достигается жесткими насильственными методами, прежде всего репрессиями против той части мирных жителей, которая остается лояльной правительству.

Об этом свидетельствует, в частности, опыт многолетних войн в Индокитае. В их ходе коммунистические партизаны широко применяли насилие против мирного населения, в том числе отбирая у крестьян продовольствие для собственных нужд и преследуя те группы гражданского населения, которые поддерживали местные правительства. Другими примерами такого рода являются действия палестинских террористических организаций и служб безопасности, боевиков из Рабочей партии Курдистана и чеченских террористов, безжалостно расправляющихся со своими соотечественниками, заподозренными в сотрудничестве с израильскими, турецкими или российскими властями. Число жертв партизанщины и террористи-

¹³ Лидер ООП Ясир Арафат заявил, например, в ООН в ноябре 1974: «Разница между революционером и террористом заключается в том, кто за что борется. Тот, кто борется за освобождение своей земли от оккупантов и колонизаторов, не может быть назван террористом». — *W. Laquer «The Israel-Arab Reader: a Documentary History of the Middle East Conflict»*. — *New York*. — 1976. — P.510. В свою очередь, видный американский политик сенатор Г. Джексон говорил: «Сама мысль о том, что тот, кто является террористом для одного, является борцом за свободу для другого, не может быть оправдана. Борцы за свободу или революционеры не взрывают автобусы с мирным населением, не похищают и не убивают детей, не убивают невинных бизнесменов, не угоняют самолеты, и не берут в заложники невинных людей. Позор тем демократическим государствам, которые акты терроризма ассоциируют со словом свобода». — *G. Shultz. «The Challenge to Democracies»*. — *In: B. Netanyahu (Ed) «Terrorism: How the West Could Win»*. — *New York*. — Pp.16-24.

ческих актов среди мирного населения Ирака намного превышает потери от них среди коалиционных войск. Это не случайно. Исламские террористические группировки различной ориентации в Ираке, которые часто воспринимаются мировым общественным мнением как «борцы с иностранной оккупацией», на деле намного больше внимания уделяют борьбе друг с другом, чем с войсками международной коалиции, что, естественно, оборачивается многочисленными жертвами среди мирных жителей¹⁴.

В свете этого намного более последовательным выглядит российский подход. Определения терроризма, содержащиеся в российском законодательстве, повторяя в основном охарактеризованную выше логическую схему анализа терроризма как политически мотивированного насилия, не упоминают о мирных жителях или некомбатантах как объектах террористических акций¹⁵. Подобная позиция отражена, по сути дела, и в определении терроризма, выработанном в Международном институте стратегических исследований. В нем речь идет о насилии «часто направленном против людей, не вовлеченных непосредственно в конфликт». Это, соответственно, предполагает возможность того, что насилие, обращенное против людей, «непосредственно вовлеченных в конфликт», то есть военнослужащих вооруженных сил и сотрудников служб безопасности, также является терроризмом¹⁶.

Подобное расширительное толкование терроризма требует некоторых исключений. Они связаны с ситуациями, когда партизанская война в сельской местности или городская герилья являются составной частью «большой» межгосударственной войны, а боевики или партизаны представляют собой, по сути дела, часть вооруженных сил законного, международно-признанного правительства воюющего государства, которое может находиться как на территории страны, где происходят боевые действия, так и в изгнании. При таком подходе за рамками терроризма остаются, например, европейское движение Сопротивления против нацизма, партизанская война на оккупированных гитлеровской армией территориях бывшего Советского Союза и некоторые другие исторические феномены.

¹⁴ Подробно см.: *Кровавое колесо насилия. В Ираке идет война между мусульманами. В: Александр Игнатенко. Ислам и политика. — Москва: Институт религии и политики, 2004. — С. 200-206.*

¹⁵ В статье 205 Уголовного кодекса РФ говорится: «Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного материального ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения или оказания воздействия на принятие решений органами власти».

¹⁶ Под «терроризмом», говорится в материале, подготовленном в Международном институте стратегических исследований, понимается «насилие, часто направленное против людей, не вовлеченных непосредственно в конфликт, со стороны группировок, действующих в подполье, которые претендуют на достижение высоких политических и религиозных целей и полагают, что атмосфера страха поможет им достичь их целей. Терроризм такого типа практически всегда является негосударственным, хотя в некоторых случаях движения, вовлеченные в терроризм, получают скрытую поддержку со стороны правительств». — *«Defining terrorism. Focusing on the targets».* — *IISS Strategic comments.* — Vol. 7. — Issue 9. — November 2001. — P.1.

Терроризм и проблема «коррекции» репрессивных режимов

Если за упомянутыми исключениями революционные или «освободительные» партизанские войны представляют собой одну из разновидностей терроризма и, следовательно, подлежат недвусмысленному осуждению, то возникает необходимость легитимного, предпочтительно международного силового воздействия на режимы, осуществляющие массовые репрессии и практикующие геноцид против собственного населения, совершающие иные преступления против человечности. По логике дела, такое воздействие должно оказываться со стороны международного сообщества в целом на основе принятых этим сообществом критериев и правил. В идеале, этим должна была бы заниматься Организация Объединенных Наций. Однако ООН, по крайней мере, в ее нынешнем виде, не способна эффективно осуществлять такого рода функции. Одним из примеров бессилия ООН является неспособность этой организации положить конец геноциду, осуществляемому проправительственными суданскими исламскими вооруженными формированиями против негритянского населения провинции Дарфур.

Слабость ООН порождается не «техническими», но политическими причинами. Так, ООН относительно успешно провела и проводит в последние годы несколько операций по установлению мира, например, в Сьерра-Леоне, Либерии, Восточном Тиморе и так далее. Эти операции, в том числе в так называемых «рухнувших государствах», предполагали, в частности, пресечение деятельности крупных вооруженных группировок, терроризировавших на протяжении многих лет местное население. Но механизм принятия решений в ООН, в том числе в ее Совете Безопасности, а также мощное давление развивающихся государств, составляющих в ООН арифметическое большинство, резко снижают эффективность этой организации как инструмента поддержания международного мира и безопасности. Следовательно, возникает вопрос об иных международных институтах, например, формируемых на основе «группы восьми», способных взять на себя функцию легальной смены или «коррекции» режимов, уличенных в преступлениях и тирании в отношении собственного народа. Однако перспектива практического формирования таких институций пока не просматривается.

В целом, нынешнее международное право и практика мировой политики в этом плане весьма противоречивы. С одной стороны, терроризм осуждается, но его общепринятого определения нет. Признается право народа на «освободительную» борьбу, но юридически ясного различия терроризма и «освободительной» вооруженной борьбы нет. Нет определения понятия «народ» и, главное, нет критериев, позволяющих обосновано определить, какие организации, ведущие «освободительную» борьбу, являются представителя-

ми народа, а какие — не могут претендовать на это¹⁷. Не получила признания и легитимации в международном праве практика гуманитарных интервенций и «коррекции режимов», уличенных в преступлениях против человечности. Такие политико-правовые лакуны затрудняют выработку эффективных международных мер как против терроризма, так и против репрессивных режимов, систематически нарушающих права человека и гражданина.

Политические цели террористической деятельности

Аккумулятивные представления о терроризме и положения, представленные в упомянутых и иных правовых документах позволяют продвинуться в разработке определения, глубже отражающего сущностные особенности этого явления.

Многие из имеющихся определений не ограничиваются перечислением конкретных проявлений террористической активности, но указывают, что терроризм представляет собой политически мотивированное насилие. В качестве политической цели террористических действий, как правило, приводятся устрашение населения и/или оказание воздействия на правительство или международную организацию с тем, чтобы они произвели некое действие или, наоборот, воздержались от совершения определенного действия¹⁸. В академических исследованиях в качестве отличительного признака терроризма часто и вполне справедливо упоминается не только политическая, но и идеологическая, в том числе религиозная мотивация насилия.

В свете этого, прежде всего, требуется развить и расширить представление о политических и идеологических мотивациях терроризма. Распространенная формула, описывающая цели террористической акции или серии таких акций, как устрашение населения, а также принуждение власти совершить некое действие или воздержаться от совершения того или иного действия, не охватывает всего многообразия целей, которые могут преследовать террористы.

Так, убийство террористами российского императора Александра II было, скорее всего, рассчитано на то, чтобы продемонстрировать слабость власти, спровоцировать народные волнения и так далее, но не на то, чтобы удержать правительство от каких-то конкретных дей-

¹⁷ Например, национально-освободительную войну в Анголе против португальского правительства в 1960-70-х годах вели три местные организации — МПЛА, УНИТА и ФНЛА, каждая из которых претендовала на ведущую роль в будущем независимом государстве. Сразу после вывода португальских войск эти организации вступили в ожесточенную войну друг с другом, которая в ряде районов продолжается до сих пор и которая привела к тотальной разрухе в бывшей португальской колонии.

¹⁸ В Резолюции 1566 (2004), принятой Советом Безопасности 8 октября 2004 года, цель терроризма определяется следующим образом: «Вызвать состояние ужаса у широкой общественности, или группы людей, или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» представляют собой «преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма».

ствий или вынудить сделать нечто. Удар, нанесенный исламскими террористами по США 11 сентября 2001 года, мог преследовать самые разнообразные цели, например, «наказать» Америку за поддержку Израиля, продемонстрировать уязвимость самой мощной державы Запада и тем самым доказать могущество самих террористов, вызвать столкновения между Западом и исламским миром. Исламские террористические группировки подчас рассматривают убийство «неверных» или вероотступников как религиозный долг, но не как инструмент воздействия на принятие решений в той или иной европейской стране.

С учетом этого, можно сформулировать достаточно широкий спектр политических целей, которые могут преследовать террористические организации:

- запугивание населения и принуждение его к выполнению приказов террористических организаций;
- принуждение власти к совершению или отказу от совершения тех или иных конкретных действий;
- «десакрализация» и дискредитация власти, в том числе силовых ведомств, в глазах населения, местных и зарубежных элит¹⁹;
- дестабилизация положения в стране, провоцирование волнений и мятежей, имея в виду в конечном итоге захват власти вооруженным путем;
- провоцирование ответных действий власти против социальных, этнических или религиозных групп, которые тем или иным образом ассоциированы с террористическими группировками для того, чтобы расширить собственную политическую и кадровую базу²⁰;
- провоцирование цепи событий, конечная цель которых может быть понятна только самим организаторам террористических актов;

¹⁹ Один из ведущих идеологов российского революционного движения Петр Ткачев весьма ясно сформулировал эту цель террористических действий. Он писал: «... Расправа с носителями самодержавной власти и их клеветами ... ослабляет эту власть, нагоняет на нее панику, расстраивает ее функции, заставляет ее – в буквальном смысле этого слова – терять голову. В то же время, она умалывает ее авторитет и разрушает ту иллюзию неприкосновенности самодержавия, в которую так искренне верит большинство верноподданных. Иными словами, революционный терроризм, дезорганизуя, ослабляя и запугивая правительственную власть (или, что все равно, носителей этой власти), тем самым содействует высвобождению верноподданных из-под гнета оболванивающего и оскотинивающего их страха, т.е. содействует их нравственному возрождению, пробуждению в них, забытых страхом, человеческих чувств; возвращению образа и подобия человеческого». — П.Н. Ткачев. *Терроризм как единственное средство нравственного и общественного возрождения России*. — <http://www.hist.msu.ru/ER/EText/tkachev.htm>.

²⁰ Идея использования террористических актов для провоцирования ответных репрессий с тем, чтобы последние довели народ до отчаяния и бунта, принадлежит одному из основоположников российского революционного движения Сергею Нечаеву. В «Катехизисе революционера» он, например, выделил в элите категорию «людей, которым даруют только временно жизнь, дабы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта». Там же говорилось: «Товарищество (революционеров – Ю.Ф.) всеми силами и средствами будет способствовать развитию и разобшению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию». Нужно подчеркнуть, что при написании «Катехизиса революционера» Нечаев воспользовался ря-

- реализация идеологических, в том числе религиозных установок, трактующих вооруженную борьбу с носителями иных взглядов и убеждений в качестве своего рода «сверхцели», сакральной обязанности.

Нередко в качестве цели террористических акций упоминается месть властям собственного или иного государства за реальные или вымышленные преступления или несправедливость, в том числе историческую, совершенные по отношению к тем или иным этническим, религиозным или социальным группам. Более того, идеологические установки террористических движений, как правило, включают в себя концепцию «коллективной ответственности». Предполагается, что ответственность за обиду, вину или несправедливость, допущенную по отношению к некоей этнической, религиозной или социальной группе, несет каждый представитель враждебного народа, враждебной религии или социального слоя и, следовательно, этот представитель может и должен стать объектом отмщения²¹.

Нельзя исключать, что в отдельных случаях отмщение действительно может являться мотивом террористической активности. Однако гораздо чаще месть, в том числе осуществляемая на основе концепции «коллективной ответственности», является прикрытием подлинных целей террористической группы, раскрытие которых может дискредитировать ее в глазах сторонников или общественного мнения. Кроме того, идея отмщения является мощным фактором мобилизации и рекрутирования террористами новых сторонников²².

дом идей М. Бакунина, Н. Огарева, П. Ткачева, которые входят в число виднейших теоретиков российского и европейского революционного движения. — http://nbp.nad.ru/new/lib/nech_kat/01.html.

²¹ Один из наиболее известных теоретиков и практиков коммунистического терроризма, бразилец Хуан Карлос Маригелла писал, например, «Похищение граждан США, как постоянно живущих в Бразилии, так и временно туда приехавших, представляет собой форму протеста против проникновения и господства империализма США в нашей стране». — *Карлос Маригелла. Бразильская герилья. Краткий учебник городского партизана*. — http://nbp.nad.ru/new/lib/mar_bd/indexhtml#pred.

²² Если попытаться применить эти теоретические выкладки к анализу, например, террористического акта, совершенного чеченскими боевиками в Беслане, то вырисовывается следующая картина. Для легитимации своих действий в собственных глазах террористы использовали лозунг «отмщения за действия российской армии в отношении мирного населения Чечни». При этом в полной мере действовала идея «коллективной ответственности», поскольку осетинские дети и мирные жители не несут никакой персональной ответственности за реальные или предполагаемые эксцессы, совершенные российскими военными в Чечне. Для оправдания захвата заложников в глазах внешнего мира, а также российского общественного мнения, были выдвинуты требования политического характера, в том числе вывод российских войск из Чечни и так далее. На деле инициаторы террористического акта в Беслане прекрасно отдавали себе отчет в том, что Москва никогда не согласится с этими требованиями, в том числе потому, что они предполагали принятие условий, выдвинутых террористами. На деле же, как можно предположить, террористическая акция в Беслане имела своей целью, во-первых, скомпрометировать власть и показать ее неспособность обеспечить безопасность населения; во-вторых, спровоцировать столкновения между осетинами и ингушами и, в более широком плане, дестабилизировать значительную часть Северного Кавказа; в-третьих, продемонстрировать силу чеченского терроризма и тем самым укрепить свое влияние как на Северном Кавказе, так и в международном исламистском сообществе. Могли, разумеется, иметься и другие цели, характер которых требует детальной расшифровки.

Дальнейшая разработка определения терроризма, отражающая его сущностные характеристики, должна учитывать некоторые трудно определяемые и трудно артикулируемые особенности этого явления. В частности, возникает вопрос: является ли любое политическое убийство террористическим актом? Чтобы проиллюстрировать эту проблему можно сопоставить убийства императоров Павла I и Александра II. С формально-юридической точки зрения и то, и другое преступление идентичны. Оба они представляют собой убийство главы государства, совершенное группой лиц по предварительному сговору для достижения политических целей. Вместе с тем, по сути дела, они во многом различны.

В первом случае речь шла об устранении некоего конкретного лица с целью смены определенных элементов политического курса, инициированного данным лицом и им осуществляемого. Иными словами, целью являлось убийство именно императора Павла I. Во втором случае объектом террористического удара являлось не столько конкретное лицо, сколько институт высшей политической власти. Данный террористический акт, как и многие другие ему подобные, по сути дела, деперсонифицирован²³. Иными словами, выбор объекта террористического удара определяется не столько личностными особенностями жертвы, ее политическими позициями и так далее, сколько институциональным положением в политической системе. Это одно из проявлений символической нагрузки террористической акции, ее коммуникативной функции, в том числе пропагандистской нацеленности²⁴.

В свете этого возникает вопрос, стоит ли причислять к проявлениям терроризма все политические убийства, совершенные с целью захвата власти, разного рода верхушечные заговоры и перевороты и тому подобное. Помимо всего прочего, инициаторы и исполнители таких акций нередко стремятся замаскировать их истинный характер, например, придать убийству видимость естественной смерти жертвы или несчастного случая, и, как правило, стараются скрыть свое собственное участие в нем.

²³ Американский исследователь Д. Фрумкин пишет по этому поводу: «Когда террорист убивает, его цель – не столько убийство само по себе, сколько еще что-то, например, компрометация полиции, раскол между ней (а, следовательно, и правительством) и обществом, чтобы использовать это в революционных целях». *Cum. no: Doran M. Scott «Somebody Else's Civil War»*. – «*Foreign Affairs*». – N 1. – 2002. – P.23.

²⁴ Маригелла очень четко обозначил деперсонифицированный характер террористического акта, жертвами которого могут быть выбраны лица, не играющие политической роли. Он писал: «Похищение лиц, являющихся известными художниками, спортсменами или выдающимися личностями в какой-либо другой области, но не представляющих никакого политического интереса, может представлять полезную форму пропаганды для революционных и патриотических принципов городского партизана, при условии, чтобы это происходило при особых обстоятельствах и похищение было проведено так, дабы общественность симпатизировала этому и приняла его». – Карлос Маригелла. *Бразильская герилья. Краткий учебник городского партизана*. – http://nbp.nad.ru/new/lib/mar_bd/index.htm l#pred.

В свою очередь, террористы в подавляющем большинстве случаев охотно берут на себя ответственность за совершенный террористический акт, особенно, если он оказался с их точки зрения успешным. Это один из отличительных признаков терроризма, его специфика, связанная с тем, что целью террористического акта является не только и часто не столько устранение конкретного лица или разрушение конкретного объекта, сколько деморализующее воздействие данного акта на общественное мнение и на власть. В практическом плане, данная отличительная черта терроризма позволяет лучше оценивать мотивацию террористов и, следовательно, прогнозировать их поведение.

Выводы

Несмотря на эти и иные неясности и нерешенные вопросы, можно выделить три основных признака терроризма, дальнейшее исследование и разработка которых могут оказаться полезными с точки зрения усовершенствования международного сотрудничества в борьбе с ним:

- субъектом террористической деятельности является организация, группа или индивид, совершающие целенаправленные, систематические акты вооруженного насилия как против мирного населения (не комбатантов), так и против правительственных сил;
- указанные субъекты не имеют законного права на применение насилия;
- террористические действия обусловлены политической и идеологической, в том числе религиозной мотивацией, имеют сильный «демонстрационный» компонент, призванный часто деморализовать и дестабилизировать противника, а также спровоцировать его на действия, по тем или иным причинам выгодные террористам.

Стратегическая угроза XXI века

Вопрос о том, представляет ли собой терроризм стратегическую угрозу и, если да, то в чем именно состоит его опасность, является предметом острых и серьезных дискуссий. Как уже отмечалось, во многих официальных документах международный терроризм характеризуется как глобальная угроза. В последние годы общественное мнение в США, Европе и России воспринимает терроризм как важнейшую мировую угрозу. Так, согласно опросу, проведенному французским исследовательским центром TNS/Sofres в 2003-2004 годах, с этим высказыванием были согласны от 70 до 95 процентов опрошенных в 9 европейских государствах и России, причем эта

оценка практически не зависела от озабоченности респондента уровнем террористической угрозы собственной стране и собственному благополучию. Важно также, что от 55 до 85 процентов респондентов в Европе и России высказывались в пользу того, что борьба с терроризмом должна быть одним из важнейших приоритетов соответствующего правительства, несмотря на то, что, по мнению 50–80 процентов опрошенных, такая борьба отрицательно сказывается на правах человека²⁵.

Однако есть иная точка зрения. Говорится, например, что численность террористических организаций на несколько порядков меньше, чем численность противостоящих им вооруженных сил и органов правопорядка. Можно встретить утверждения, что количество жертв террористических актов несопоставимо с количеством жертв уголовных преступлений дорожно-транспортных происшествий, природных катастроф и этнических столкновений. Из этого в ряде случаев делается вывод, что опасность терроризма сильно преувеличена²⁶. Иногда утверждается, что республиканская администрация США, израильское правительство и российское руководство сознательно преувеличивают угрозу исламского терроризма с тем, чтобы обосновать в глазах мирового общественного мнения свою «глобальную гегемонистскую политику», когда речь идет о США, нежелание идти на уступки палестинцам или действия в Чечне, когда речь идет, соответственно, об Израиле или России.

Количественные параметры террористических группировок

Количественные сопоставления численности террористических группировок и правительственных сил, а также жертв терроризма и, например, техногенных катастроф, бесспорно, относятся к важным показателям, характеризующим опасность, представляемую террористическими организациями. Однако они требуют некоторых комментариев.

Прежде всего, вопрос о численности террористических организаций, на самом деле, далеко не прост. Существуют различные

²⁵ См. Приложение 1.

²⁶ Так, российские исследователи В.В. Витюк и И.В. Данилевич пишут: «Безусловно, своими отдельными акциями сегодняшний терроризм способен приносить значительные людские потери и наносить серьезный материальный ущерб. Но и сегодня на фоне природных катаклизмов, в том числе и возникающих в результате человеческой деятельности, техногенных катастроф, голода и национальных распрей его лишь с большой натяжкой можно назвать «опасностью номер один для человечества». ... Если даже допустить худшее (то есть ядерный терроризм – Ю.Ф.), то такого рода акт может быть только разовым, если учесть реальные силы террористов. Человечество смогло пережить Хиросиму и Чернобыль. А смогут ли сами террористы пережить последствия такой акции – это большой вопрос». – В.В. Витюк, И.В. Данилевич. *Терроризм как политический феномен и как теоретическая проблема. В: Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы / Отв. ред. В.В. Витюк и Э.А. Паин. – РАН. – Институт социологии. – Москва, 2003. – С. 39.*

степени участия в террористической деятельности: «профессиональные» боевики, находящиеся в большей части на нелегальном положении; лица, не принимающие непосредственного участия в боевых операциях, но обеспечивающие материальную и «тыловую» поддержку; лица, симпатизирующие террористам, но не участвующие регулярно в их деятельности и так деле. В итоге, террористическая группировка по своей структуре напоминает своего рода пирамиду, причем члены группировки могут перемещаться из одного ее «слоя» в другой, в том числе заменяя выбывших боевиков и их активных помощников²⁷.

Несмотря на неясности, связанные с методами подсчета, имеющиеся данные показывают, что пиковое количество активных членов, например, наиболее крупных террористических организаций левого толка, практиковавших так называемую «городскую герилью», во второй половине XX века редко превышало несколько тысяч человек. Это существенно меньше численности противостоящих им правительственных сил.

Таблица 1

Пиковая численность некоторых террористических организаций левого толка, практикующих или практиковавших «городскую герилью»²⁸

Организация	Страна	Пиковая численность
Тупамарос	Уругвай	1000
Революционная народная армия	Аргентина	5000
Революционное движение имени Тупак Амару	Перу	1000
Красные бригады	Италия	500
Красная армия Японии (Рэнко Сэкигун)	Япония	400

Заметно большей является численность наиболее крупных левых и сепаратистских организаций в Азии и Латинской Америке, ведущих партизанскую войну не только в городах, но и в сельской местности. Она в ряде случаев достигала 10–30 тысяч человек.

²⁷ Так, по некоторым данным, в период наибольшей активности левые террористические группировки в Германии включали в себя:

- 24 боевика на нелегальном положении;
- около 100 сообщников, оказывающих вспомогательную помощь при проведении акций;
- около 200–300 активных сторонников, готовых примкнуть к террористам;
- около 2000–3000 человек, симпатизирующих деятельности ультралевых группировок. — <http://alter-narod.ru/Levaki.htm>.

²⁸ «Patterns of Global Terrorism 2003». — April 2004. — US Department of State. — Appendix B and Appendix C. — Pp. 113–160.

Таблица 2

Пиковая численность наиболее крупных террористических организаций, ведущих партизанскую борьбу как в городах, так и в сельской местности²⁹

Организация	Страна	Пиковая численность
Коммунистическая партия Филиппин	Филиппины	10000
Рабочая партия Курдистана	Турция	4000 – 5000
Революционные вооруженные силы Колумбии	Колумбия	9000 – 12000
Тигры освобождения Тамил Илама	Шри-Ланка	8000 – 10000
Национальный фронт освобождения Колумбии	Колумбия	3 000
Наксалиты (совокупность коммунистических групп маоистской ориентации)	Индия	30000

Однако, несмотря на то, что в количественном отношении террористические движения XX века принципиально уступали правительственным силам, они смогли наносить весьма болезненные удары, в том числе совершать убийства и похищения видных государственных деятелей. При этом необходимо учитывать, что террористы практически всегда являются нападающей стороной, которая сама выбирает объекты для удара, причем количество таких объектов весьма велико. Следовательно, силы правопорядка, как правило, распылены в попытках защитить большое количество потенциальных целей, тогда как террористы могут последовательно концентрировать свои ресурсы для уничтожения их одна за другой. В итоге, террористические организации, состоящие, например, из нескольких десятков активных боевиков, могут действовать достаточно эффективно, хотя правительственные силы намного превосходят их по численности. Иными словами, относительно небольшая численность террористических группировок не снижает представляемую ими опасность.

Аналитики обращают внимание также на другое важное преимущество террористических движений по сравнению с их противниками. Террористы мотивированы идеологическими установками, имеющими для них высокую ценность, во имя реализации которых они готовы даже пожертвовать собственной жизнью. В частности, для значительной части террористов их собственное существование получает смысл именно в процессе террористической деятельности, включая самоубийство³⁰. С одной стороны, присущий многим

²⁹ «Patterns of Global Terrorism 2003». – April 2004. – US Department of State. – Appendix B and Appendix C. – Pp. 113-160.

³⁰ Эта особенность современного, прежде всего, религиозно-мотивированного терроризма была ясно отмечена Збигневом Бжезинским. Он писал: «В этой войне – а терроризм в действительности есть беспощадная война слабых против сильных ... слабые располагают одним важным психологическим преимуществом: им почти нечего терять, но приобрести, по их убеждению, они могут все. Они черпают силы в религиозном рвении или фанатичном утопизме Некоторые готовы принести себя в жертву, потому что их жизни, в их пред-

современным террористическим организациям фанатизм обуславливает большую, по сравнению с силами правопорядка, решительность и бескомпромиссность действий террористов, их жестокий, наступательный характер. С другой, — действия террористов-самоубийц, как правило, влекут за собой намного больше жертв, чем действия «обычных террористов», не склонных жертвовать собой во имя поставленной цели. Так, согласно подсчетам израильских специалистов по борьбе с терроризмом, среднее количество жертв (раненых и убитых) террористического акта, совершенного террористом-самоубийцей, составляло примерно 17,5 человек, тогда как аналогичный показатель для «обычного» террористического акта был равен примерно 2,5 человек³¹.

Оценки числа жертв террористической деятельности

Вопрос о количестве жертв террористических актов весьма важен. Однако точно оценить его весьма трудно, поскольку национальные статистические данные во многих странах, ставших жертвой массовых террористических кампаний или партизанских войн, либо крайне труднодоступны, либо вообще отсутствуют, а экспертные оценки варьируются в весьма широких пределах, нередко бывают политически обусловленными и, соответственно, искаженными.

Относительно достоверными являются подсчеты американского Государственного департамента, которые касаются жертв международного терроризма. Под последним американские государственные ведомства имеют в виду террористические акты, затрагивающие граждан или территории более чем одной страны. Согласно указанным американским данным, за пять лет — в 1998-2003 годах — произошло более 1 800 международных террористических актов, в результате которых были убиты и ранены около 20 тысяч человек.

Однако эти показатели не учитывают потери от террористических актов, которые не затрагивали граждан других государств. А они могут исчисляться сотнями или даже тысячами убитых. Так, в России за последние десять лет (по состоянию на конец сентября 2004 года) от рук террористов погибли более двух тысяч человек³². По оценкам экспертов, массированная террористическая кампания, начатая исламистскими экстремистами в Алжире в 1992 году, унесла от 60 до

ставлении, обретают смысл именно тогда, когда они вырываются за рамки своего жалкого существования, совершая самоубийственные акты ради уничтожения объекта своей ненависти. ... Слабые фанатики не могут изменить собственное положение, но в их власти делать жизнь стоящих выше себя все более незавидной». — Збигнев Бжезинский. *Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство*. — Москва, 2005. — С. 65-66.

³¹ *The Characteristics of Suicide Terrorists: An Empirical Analysis of Palestinian Terrorism in Israel*. — <http://nssc.haifa.ac.il/Terror/articles/profile.html>.

³² «Россия обогнала Израиль и догоняет США» // «КоммерсантЪ». — 2004. — 13 сентября.

150 тысяч жизней, что составило в среднем от 5 до 10 тысяч погибших в год³³.

Таблица 3

Количество жертв международных террористических актов, 1998-2003 (по данным Госдепартамента США)³⁴

Регион	Количество террористических актов	Количество жертв террористических актов
Африка	171	5 839
Азия	458	5 273
Евразия	93	743
Латинская Америка	725	297
Ближний Восток	172	2 222
Северная Америка	6	4 459
Западная Европа	213	453
Итого	1 838	19 286

И, тем не менее, при любом методе подсчета потери от терроризма намного меньше количества жертв, например, автомобильных аварий, природных или техногенных катастроф³⁵. Вопрос, однако, в другом: в какой мере можно оценивать опасность терроризма, опираясь только на упомянутые количественные характеристики? Суть в том, что простое сопоставление количества потерь не учитывает критический социальный, политический и психологический резонанс, который имеют террористические акты в отличие от дорожно-транспортных происшествий и уголовных преступлений.

Оценки террористической опасности на основе исторического опыта

Анализ исторического опыта весьма полезен для понимания социально-политической природы терроризма и ее эволюции, но не дает прямого ответа на вопрос о представляемой им опасности. В одних случаях терроризм имел глубокие и тяжелые политические послед-

³³ М.А. Сапронова. *Внутриалжирский терроризм и проблема взаимоотношения ислама и государства*. В: *Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы* / Отв. ред. В.В. Витюк и Э.А. Паин. – РАН. – Институт социологии. – Москва, 2003. – С. 239.

³⁴ «Patterns of Global Terrorism 2003». – April 2004. – US Department of State. – Pp. 177-178

³⁵ Так, с 1974 по 1987 год в мире произошло около 120 крупных аварий, потери от которых составили примерно 28 тысяч погибших и 112 тысяч раненых. Иными словами, в среднем в результате крупной аварии погибает более 2 000 человек и оказывается ранеными около 8 000 человек. Это в 10 – 100 раз больше, чем количество пострадавших от крупных террористических актов, за исключением событий 11 сентября 2001 года. – *Терроризм в мегаполисе: оценка угроз и защищенности* / Под общей редакцией В.З. Дворкина // *Научные записки ПИР-Центра*. – № 3. – 2002 год. – С. 40.

ствия, в других — волны терроризма проходили, не оставляя заметных следов.

Так, революционный терроризм, пользовавшийся симпатиями определенной части «просвещенного класса», был одним из ключевых факторов подрыва жизнеспособности Российской империи, создал важные предпосылки для большевистского переворота со всеми его трагическими последствиями. При этом количество активных участников боевых террористических организаций в императорской России, за исключением периода 1905-1908 годов, исчислялось иногда десятками, иногда сотнями, что в любом случае было несравнимо меньше, чем численность противостоящих им сил правопорядка.

Волны левого и правого терроризма в Турции в 1960-80-х годах вызвали там несколько военных переворотов. Левый и правый терроризм в Колумбии, тесно связанный с наркобизнесом, на протяжении нескольких последних десятилетий является крупнейшим источником политической нестабильности в стране. Палестинский терроризм на протяжении нескольких десятилетий относится к числу важнейших причин военно-политической напряженности на Ближнем Востоке. Действия исламских террористов в Кашмире могут, как показывает опыт, провоцировать индо-пакистанские столкновения, способные теоретически перерасти в крупномасштабную войну. В условиях «холодной войны» поддержка коммунистических террористических группировок со стороны СССР и антикоммунистических — со стороны США была одним из важных факторов советско-американской конфронтации.

Вместе с тем, есть примеры иного рода. Анархистский терроризм, широко распространившийся в конце XIX — начале XX века в Испании, Португалии, Франции, Италии и США, не имел сколько-нибудь серьезных политических последствий. Волна левого терроризма, поразившая Германию и Италию в 1970-80-х годах, также не привела к дестабилизации политической обстановки. Террористическая активность левого и сепаратистского толка в Перу, Колумбии, Северной Ирландии, Стране Басков, Шри Ланке и ряде других мест является дестабилизирующим фактором, иногда весьма мощным, но локального порядка. Ее последствия, как правило, не выходят за рамки весьма ограниченных в географическом отношении регионов. Осуществлявшийся при массовой кубинской поддержке левый терроризм в Латинской Америке в 1960-70-х годах, в том числе городская герилья в Уругвае, Аргентине и Бразилии и ряде других стран, не имел успеха и был относительно быстро подавлен местными силами правопорядка при поддержке Соединенных Штатов. Единственным исключением из этого была победа сандинистов в Никарагуа. Впрочем, политика последних моментально спровоцировала в стране мощное антисандинистское движение «контрас», которое также прибегало к широкому использованию террористических методов и, в конечном итоге, свергло левое руководство.

«Триггерная» функция терроризма

Таким образом, вопрос об опасности, порождаемой современным терроризмом, требует детального анализа. Прежде всего, террористическая активность может явиться своего рода триггером, «запускающим» цепь событий, результаты которых зачастую предсказать невозможно и которые в ряде случаев не входили в расчеты самих инициаторов террористического акта.

Классическим примером такого рода является убийство летом 1914 года наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда, ставшее начальным звеном в последовательности событий, приведших к первой мировой войне. Можно, разумеется, спорить о том, имела бы место данная война, если бы не произошло это убийство, когда бы она началась, как бы она развивалась и так далее. Споры эти, по сути дела, беспредметны и сугубо спекулятивны. Факт остается фактом – террористический акт, совершенный сербским националистом Гаврилой Принципом, вызвал к жизни сложную цепь процессов, конечным результатом которых стала мировая война со всеми ее грандиозными и трагическими последствиями.

Другой пример такого рода – убийство Кирова. До сих пор нет и, скорее всего, никогда не будет ясности относительно того, кто был вдохновителем (или вдохновителями) этого террористического акта и каковы были его (или их) замыслы, стал ли он результатом личной мести индивида с болезненной психикой или тщательно подготовленного заговора, порожденного противоборством различных группировок в кремлевской и околокремлевской верхушке. Но в данном случае важно другое – убийство Кирова стало тем самым событием, которое спровоцировало поворот коммунистических репрессий в СССР от преследования «классово-чуждых» элементов к ликвидации значительной части самой большевистской элиты.

Наиболее ярким примером «триггерной» функции терроризма в последние годы стали события 11 сентября 2001 года. Они вызвали глубокие сдвиги в политическом менталитете американского общества, имели самые серьезные международно-политические последствия, в частности, привели к глубокой коррекции внешней и военной политики США и, соответственно, войнам в Афганистане и Ираке, спровоцировали рост трансатлантических разногласий и так далее. Долгосрочные последствия этого сдвига в американской внешней и военной политике пока просматриваются недостаточно ясно.

Терроризм с применением оружия массового поражения

Другой комплекс угроз, представляемых современным терроризмом, связан с возможным применением террористами оружия массового уничтожения, особенно ядерного (в том числе так называемых «грязных бомб» – обычных взрывных устройств, распыляющих

в процессе взрыва радиоактивные вещества) и биологического³⁶. Многие специалисты и политические деятели рассматривают такой террористический акт как наиболее опасную угрозу безопасности. Действительно, есть основания предполагать, что воздействие применения оружия массового уничтожения в террористических целях на мировую политику будет сопоставимо с влиянием, которое оказало изобретение ядерного оружия и его применение против Хиросимы и Нагасаки.

Опасность, связанная с возможностью террористических актов с применением оружия массового уничтожения, усугубляется отсутствием надежных механизмов их предотвращения. Сдерживание, в том числе ядерное, не может остановить террористов. Кроме того, существующие режимы нераспространения ядерного оружия предназначены в первую очередь для предотвращения обретения такого оружия государствами, а не террористическими группами³⁷.

В 1970–80-х годах большинство экспертов весьма скептически относилось к перспективе использования террористами оружия массового уничтожения. Помимо технических трудностей создания соответствующих устройств в «подпольных» условиях, считалось, возможно, не без оснований, что его применение будет контрпродуктивным с точки зрения интересов наиболее распространенных в то время террористических движений левого или сепаратистского толка. Действительно, использование средств массового поражения или даже попытка этого полностью дискредитировала бы такого рода организации не только в глазах общества в целом, но и в глазах тех слоев, которые реально или потенциально симпатизировали им.

Однако смена базисной парадигмы мирового терроризма, прежде всего выход в последние годы на первый план религиозно-мотивированных движений исламского толка меняет положение дел. Эти группировки, как подтверждает характер совершенных ими террористических актов, ориентированы на причинение противнику максимального ущерба, рассматривая это как богоугодное дело, и, сле-

³⁶ Многие эксперты справедливо полагают, что термин «оружие массового уничтожения» вряд ли может быть применим к ядерным взрывным устройствам, химическим веществам или биологическим агентам, которые гипотетически могут использовать террористы. Термин «оружие» предполагает, что соответствующее устройство обладает набором качеств, позволяющих его эффективно использовать в боевой обстановке во время войны. Террористы же могут использовать в своих целях ядерные взрывные устройства, отравляющие вещества или патогены, способные вызвать массовые жертвы, но не обладающие всеми качествами оружия.

³⁷ Авторитетные американские специалисты из Фонда Карнеги за международный мир пишут в этой связи: «В то время как государства можно удержать от применения ядерного оружия путем угрозы возмездия, террористы, не располагающие территорией, населением или национальным будущим, которые требуется защищать, могут оказаться нечувствительными к сдерживанию. Поэтому приобретение террористами ядерного оружия представляет собой величайшую угрозу. Самая серьезная опасность состоит в приобретении террористами доступа к государственным арсеналам ядерного оружия и расщепляющихся материалов». — *George Perkovich, Jessika Mathews, Joseph Cirincione, Rose Gottemoeller, Jon B. Wolfsthal «Universal Compliance. A Strategy for Nuclear Security»*. *Carnegie Endowment for International Peace*. — March 2005. — P. 26.

довательно, могут использовать оружие массового уничтожения, если, разумеется, они окажутся в состоянии его создать или приобрести³⁸.

Обычно опасность терроризма с применением оружия массового уничтожения связывают с количеством возможных жертв, которое может исчисляться десятками тысяч³⁹. По расчетам, например, американских правительственных экспертов, при распылении с грузовиков в пяти небольших городах аэрозольных спор сибирской язвы будут заражены 350 тысяч человек, из которых 13 тысяч скорее всего умрут⁴⁰.

Но при всей трагичности массовых потерь человеческих жизней подобный террористический акт, даже единичный, будет иметь немало других крайне тяжелых экономических, политических и социальных и психологических последствий, по своему масштабу намного превосходящих последствия событий 11 сентября 2001 года. Он может привести к временной или постоянной потере управляемости страной в результате разрушения ряда ключевых узлов системы политического и военного управления. Предсказать все последствия этого крайне трудно, если вообще возможно. Не исключено, однако, что дезорганизация общества может принять необратимый характер, учитывая особенно, что такой террористический акт, скорее всего, может быть совершен в тот момент, когда руководство государства его не ожидает и не использует имеющиеся во многих странах резервные системы и каналы управления.

Практически неизбежным результатом террористического акта с применением оружия массового уничтожения будет массовая паника. Весьма вероятны крупномасштабные беспорядки, могущие охватить основные городские центры страны, ставшей жертвой такого удара, тогда как способность правоохранительных органов справиться с ними будет заметно ослаблена. Наиболее вероятными жертвами беспорядков станут представители национальных и

³⁸ Американский аналитик Рекс Хадсон еще до событий 11 сентября 2001 года отмечал, например: «Развитие терроризма в последние три десятилетия противоречит распространенному мнению, что террористы не расположены к использованию оружия массового уничтожения. Становится все более очевидным, что это предположение не относится к религиозным террористическим группам или группам, проповедующим конец света. В самом деле, еще в начале 1970-х годов Дженкинс ... предположил, что первыми группами, которые используют оружие массового уничтожения, будут религиозные секты мессиянского или апокалиптического толка». — *Rex A. Hudson «The Sociology and Psychology of Terrorism: Who Becomes a Terrorist and Why?» . — Report prepared under an Interagency Agreement by the Federal Research Division, Library of Congress. — September 1999. — Federal Research Division. — Library of Congress. — Washington, D.C. — <http://www.fas.org/irp/threat/frd.html>.*

³⁹ Количество погибших от ядерного взрыва (без учета жертв радиоактивного поражения и последующего разрушения систем жизнеобеспечения) в современном мегаполисе оценивается обычно от одной до нескольких тысяч человек в расчете на одну килотонну мощности ядерного заряда в зависимости от характера застройки и ряда других факторов. От ядерного удара по Хиросиме мощностью около 20 килотонн погибло около 200 тысяч человек или примерно 10 тысяч человек в расчете на одну килотонну. Однако значительное количество жертв было вызвано колоссальным пожаром, уничтожившем большую часть города, застроенного преимущественно деревянными зданиями.

⁴⁰ Владимир Иванов. *Белый дом получил пособие для террористов // Независимое военное обозрение. — 25-31 марта 2005 года. — Стр. 4.*

религиозных групп, которые, с точки зрения массового сознания, окажутся ответственными за совершенный террористический акт. В нынешней международной обстановке, как можно предположить, такие беспорядки в первую очередь затронут мусульманское население, причем не только в стране, ставшей жертвой террористического удара, но и, скорее всего, в ряде других стран. Так, например, в случае совершения рассматриваемого террористического акта в одной из европейских стран, массовые антимусульманские выступления могут охватить значительную часть всего европейского континента.

В международном плане террористический акт с применением оружия массового уничтожения может спровоцировать крупномасштабные военные операции против одной или нескольких исламских стран, которых обоснованно или необоснованно заподозрят в покровительстве террористическим организациям, ответственным за ядерный взрыв или биологическую атаку в западном или российском мегаполисе. Это, практически неизбежно вызовет ответную реакцию исламских кругов, включая руководителей ряда исламских государств. В итоге, столкновение исламского и христианского миров может принять открытый и тотальный характер, распространившись в том числе на городские зоны европейских, российских и американских мегаполисов, где сосредоточено основное исламское население Европы, России и США.

Крайне опасным будет террористический акт с применением биологического оружия⁴¹. Помимо указанных выше последствий, возникает опасность возникновения и распространения за пределы страны, ставшей жертвой биотеррористов, смертельных пандемий. При этом нельзя исключать, что власти соответствующих государств просто не будут иметь в своем распоряжении лекарственных средств, способных остановить расползание смертельной болезни.

«Технологический терроризм»

Серьезную тревогу вызывает в последние годы перспектива так называемого «технологического» терроризма, под которым имеются в виду действия, вызывающие аварии и техногенные ката-

⁴¹ Некоторые специалисты скептически оценивают практическую возможность использования биологических патогенов в террористических целях. При этом обычно ссылаются на серьезные трудности в создании эффективного и практически применимого биологического оружия. Последние связаны с необходимостью создания боевых биологических средств, которые должны обладать рядом заданных свойств: быть устойчивы к различным климатическим условиям, переноситься на определенные расстояния, расстояния и так далее. Важную роль играет необходимость разработки эффективных средств защиты собственных войск и населения от соответствующих болезнетворных штаммов. Между тем, требования к биологическим патогенам, которые можно использовать для террористических целей, гораздо слабее. При этом возможности создания такого рода биологических средств поражения заметно шире, чем создания примитивных ядерных взрывных устройств, в том числе вследствие наличия многочисленных биологических лабораторий и отсутствия каких-либо механизмов международного контроля за их деятельностью.

строфы⁴². К их числу обычно относят разрушение плотин и ядерных объектов, в том числе реакторов с тем, чтобы вызвать катастрофическое затопление или радиоактивное заражение местности, разрушение химических заводов и складов для заражения атмосферы и воды и тому подобное. Отдельного рассмотрения требуют последствия целенаправленного вывода из строя систем энергоснабжения или информационно-компьютерных сетей, способного парализовать на достаточно длительное время практически все жизнеобеспечение крупного мегаполиса. В целом же по своим разрушительным последствиям и, следовательно, негативном социально-политическом и экономическом эффектам «технологический терроризм» в своих наиболее масштабных проявлениях приближается к терроризму с применением оружия массового уничтожения.

По недавно ставшими известными оценкам американского Министерства внутренней безопасности, наиболее опасными считаются взрывы в крупных городах «грязных бомб», распыление химических отравляющих веществ в офисных помещениях, а также подрывы крупных спортивных сооружений при помощи грузовиков, начиненных взрывчаткой. Американские эксперты подсчитали также, что в результате взрыва стандартной цистерны с жидким хлором могут погибнуть более 17 тысяч человек, а более 100 тысяч могут получить поражения различной степени тяжести⁴³.

Политические последствия терроризма

Другая группа опасных последствий нынешней волны терроризма связана с неспособностью властей соответствующих государств и международных организаций предпринять эффективные меры по его пресечению. С одной стороны, это подталкивает самих террористов к эскалации преступной деятельности, подтверждает их представления о собственной мощи, стимулирует экстремизм оппозиционного толка. С другой — слабость власти и международных институтов подрывает их авторитет, расшатывает устои политической системы и, одновременно, расширяет политическую базу тех группировок, которые требуют усиления авторитарных тенден-

⁴² Видные российские эксперты отмечают: «Заключенные в хозяйственных объектах и технологиях потенциальные разрушительные силы создают объективную основу для целенаправленного использования их в качестве средства поражения с целью нанесения ущерба регионам, в которых они расположены. ... Промышленно развитые мегаполисы с высокой плотностью населения наиболее уязвимы при воздействии поражающих факторов техногенной природы, вызванных разрушением соответствующих производств террористическими группами. В этом случае неядерные средства воздействия играют роль «спускового крючка», высвобождающего факторы с неконтролируемым и крупномасштабным поражающим действием». — *Терроризм в мегаполисе: оценка угроз и защищенности / Под общей редакцией В.З. Дворкина // Научные записки ПИР-Центра. — № 3. — 2002. — С. 41.*

⁴³ *Владимир Иванов. Белый дом получил пособие для террористов // Независимое военное обозрение. — 25-31 марта 2005 года. — С. 4.*

ций, отказа от гражданских прав и свобод, установления жесткого полицейского режима как необходимых условий эффективной борьбы с терроризмом. В частности, слабость власти стимулирует активность тех ее элементов, которые склонны к жестким силовым мерам, затрагивающим не только собственно террористические группировки, но и те социальные слои, которые в той или иной мере симпатизируют или могут симпатизировать террористам. Все это может обострить социальные и политические противоречия. В российских экспертных кругах есть точка зрения, согласно которой глобализирующийся терроризм может, в конечном итоге, привести к возрождению тоталитарных диктатур⁴⁴.

Терроризм и организованная преступность

Вызывает тревогу неразрывная связь современного терроризма с наиболее опасными формами организованной преступности, в первую очередь с незаконной торговлей наркотиками и оружием, похищением людей. В частности, одним из основных источников финансирования террористических организаций является наркобизнес. Так, колумбийские коммунистические группировки, созданные в свое время при прямой и косвенной поддержке кубинцев, контролируют, наряду с тамошней наркомафией, производство кокаина в Колумбии. Марксистская Рабочая партия Курдистана примерно наполовину финансируется поступлениями от торговли наркотиками. В частности, эта группировка контролирует около 80 процентов торговли наркотиками в Париже и его окрестностях⁴⁵. Таким образом, террористическая активность способствует сохранению и нарастанию организованной преступности, особенно транснациональной.

Терроризм и мировая экономика

В условиях глобализирующейся мировой экономики все более опасными могут быть прямые и, главное, косвенные экономические последствия крупных террористических актов. Так, по оценкам весь-

⁴⁴ Так, российский специалист С.А. Эфиров пишет: «Вполне реалистичной представляется следующая альтернатива: либо современный глобализирующийся терроризм и его следствия — социальная дезорганизация, хаос, военные и иные деструктивные конфликты вновь приведут к универсализации насилия и милитаризма, к возрождению тоталитарных диктатур, к потенциальной угрозе самой жизни, либо в контексте расширяющихся процессов социального согласия удастся предотвратить катастрофический ход событий, совершенствуя средства и механизмы борьбы с терроризмом, его профилактики и предупреждения». — С.А. Эфиров *«Терроризм и перспективы социального согласия: новый формат проблемы»*. — В: *Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы* / Отв. ред. В.В. Витюк и Э.А. Паин. — РАН. — Институт социологии. — Москва, 2003. — С. 239.

⁴⁵ *Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы* / Отв. ред. В.В. Витюк и Э.А. Паин. — РАН. — Институт социологии. — Москва. — 2003. — С. 102.

ма компетентных экспертов, авторов доклада Генеральному секретарю ООН о новых угрозах и вызовах, общий ущерб от террористических актов 11 сентября 2001 года составил около 80 миллиардов долларов⁴⁶. Эта цифра может увеличиться на порядок или даже на два в случае террористического акта с применением ядерного или биологического оружия, что способно спровоцировать крупный глобальный экономический кризис.

Терроризм как индикатор социально-политического конфликта

При оценке угрозы терроризма важно также иметь в виду, что он является *modus operandi*, средством, используемым для достижения тех или иных целей. Перефразируя известную формулу Клаузевица, можно охарактеризовать терроризм как продолжение политики иными (в данном случае террористическими) средствами. Другими словами, терроризм является, помимо всего прочего, своего рода индикатором социально-политического конфликта. Интенсивность и массовость терроризма, степень его ожесточенности и жестокости, а также другие параметры, определяющие во многом заключенную в нем угрозу, зависят в значительной степени от мощи, социально-политической природы и идеологической мотивации тех сил, которые прибегают к терроризму.

Выводы

Рассмотренные обстоятельства, а также рост профессиональной квалификации террористов, их ориентация на причинение максимального ущерба, высокая «технологическая уязвимость» постиндустриального общества, расширение арсенала технических средств, используемых для совершения террористических актов, высокий уровень финансового обеспечения и ряд других факторов подтверждают вывод о усиливающейся опасности современного терроризма, превращении его в стратегическую угрозу глобального масштаба. Ее наиболее опасное проявление — террористический акт с примене-

⁴⁶ В упоминавшемся докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам говорится: «Глобальная экономическая интеграция означает, что крупное террористическое нападение, совершенное в любой точке в одной из развитых стран, будет иметь катастрофические последствия для благосостояния миллионов людей в развивающихся странах. По оценкам Всемирного банка, только нападения, совершенные 11 сентября 2001 года, увеличили число нищих во всем мире на 10 миллионов, а общий ущерб для мировой экономики возможно превысил 80 млрд. долл. США. Эти цифры будут гораздо больше в случае какого-либо инцидента, связанного с ядерным терроризмом». — *Более безопасный мир: наша общая ответственность. — Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам. — Документ ООН A/59/565. — Пункт 18. — 2 December 2004. — С.23.* Нельзя не отметить, что в полном соответствии с настроениями, доминирующими сегодня в ООН, авторы данного доклада обратили особое внимание на экономический ущерб от терроризма для населения развивающихся стран. Потери, которые в таком случае могут понести жители развитых стран, видимо, не особенно беспокоят нынешнюю ООН.

нием оружия массового уничтожения или искусственно вызванная катастрофа промышленного, исследовательского или ядерного объекта с высвобождением большого количества радиоактивных или ядовитых веществ. При этом важны не только масштабы потерь человеческих жизней и экономический ущерб, но и весьма вероятный «триггерный» эффект, последствия которого с трудом поддаются научному анализу.

Эволюция терроризма: от «тираноборчества» к «новому джихаду»

В своем современном виде терроризм представляет собой продукт эволюции, а в ряде случаев — своего рода сращивания, нескольких исторически сложившихся в последние полтора столетия основных направлений:

- этномотивированного;
- левого антисистемного;
- правого; и
- исламистского⁴⁷.

Одним из ключевых результатов этой эволюции являются серьезные сдвиги в структуре мирового террористического сообщества, происходящие после окончания «холодной войны». Суть их — в выходе на первый план религиозно-мотивированных исламских террористических организаций и движений радикального толка на фоне существенного ослабления терроризма левого направления.

Основные направления эволюции мирового террористического сообщества

Рост роли и влияния исламского терроризма подтверждаются статистическими исследованиями. Так, по приведенным в Таблице 4 данным американских специалистов Х. Боумана и Чарльза А. Рассела в 1970-х годах основными зонами террористической деятельности были Европа и Латинская Америка, где в общем массиве террористических движений преобладали организации левого толка. На долю этих двух регионов пришлось около 70 процентов всех проявлений городской партизанской войны.

⁴⁷ В публицистической и научной литературе сегодня существует, как минимум, несколько десятков классификаций терроризма, выстроенных на различных основаниях. Наиболее распространенными являются классификации, отражающие политико-идеологические установки террористических групп. Но помимо этого в качестве оснований для классификации нередко используются групповые характеристики террористических организаций, психологическая мотивация их членов и так далее. Все эти классификации имеют собственную научную ценность. Но каждая из них ориентирована на решение специфического комплекса исследовательских задач, что необходимо учитывать при их применении в аналитических целях.

Таблица 4

Распределение актов политического терроризма (городская герилья) по основным географическим регионам в 1970-е годы (в процентах)⁴⁸

Европа	50
Латинская Америка	21
Северная Америка	14
Средний Восток и Северная Африка	11
Азия	2
Африка южнее Сахары	2

Эти данные, разумеется, требуют определенной коррекции и комментариев. Не ясно, например, насколько они учитывают подъем палестинского терроризма в рассматриваемый период или партизанские войны в Индокитае со всеми их выбросами в города. Однако в качественном отношении они подтверждают, что во второй половине прошлого века в международном террористическом сообществе доминировало левое террористическое движение антисистемного толка. При этом и в Юго-Восточной Азии, и на Ближнем Востоке террористические группировки в большинстве своем руководствовались в то время левыми доктринальными установками, часто в сочетании с националистическими концепциями. В настоящее время ситуация принципиально изменилась.

Таблица 5

Структура мирового террористического сообщества в начале XXI века (в процентах)⁴⁹

Характер террористических группировок	Государственный департамент США*	Международный институт стратегических исследований*
Исламистские	54	45
Левые	24	13
Этномотивированные	16	40
Правые	6	2

* В списке Государственного департамента США насчитывается 78 организаций, официально признанных американским правительством в качестве террористических. В список Международного института стратегических исследований (Лондон) включены 225 «негосударственных вооруженных групп» (non-state armed groups). Эта формулировка позволила избежать политических трудностей, связанных с характеристикой тех или иных группировок как террористических⁵⁰.

⁴⁸ <http://alter-narod.ru/Levaki.htm>.

⁴⁹ «The Military Balance 2004-2005». — IISS. — Oxford University Press. — 2004. — Pp.362-377; «Patterns of Global Terrorism 2003». — April 2004. — US Department of State. — Appendix B and Appendix C. — Pp. 113-160.

⁵⁰ Главное расхождение в данных Государственного департамента США и лондонского Международного института стратегических исследований связано с оценкой доли этно-сепаратистских группировок. Это вызвано тем, что лондонские исследователи включили в свой список

Как показывают данные, приведенные как американскими правительственными ведомствами, так и одной из наиболее авторитетных неправительственных исследовательских организаций, примерно половина действующих сегодня террористических группировок являются исламистскими. Они ставят своей целью создание на соответствующих территориях или в глобальном масштабе государств, основанных на исламских традициях и правовых нормах, рассматривают свою деятельность как «священную войну» — джихад. Ряд экспертов, имеющих международно признанную репутацию, полагают религиозно мотивированный терроризм наиболее опасной разновидностью современного терроризма, в том числе имея в виду возможное использование этими группировками оружия массового уничтожения⁵¹.

Указанная эволюция терроризма привела к изменению его основной целевой установки или, как это иногда называют, его парадигмы. По мнению ряда американских и российских исследователей, терроризм из средства «принудительной дипломатии» превращается в средство ведения войны с целью построения некоего «нового мира». Такая трансформация обусловлена неспособностью сил, прибегающих к терроризму, на равных бороться с армиями развитых государств и, соответственно, использующих терроризм как инструмент асимметричной войны. При этом очевидная неспособность данных сил перестроить мировую систему в соответствии со своими идеалами и нормами порождает стремление эту систему разрушить до основания и на ее развалинах построить «новый мир»⁵².

большое количество трайбалистских и иных группировок, выстроенных на этнической основе, которые не включены официально американскими властями в число террористических.

⁵¹ Так, американские эксперты подчеркивали: «Различия ключевых фигур религиозных экстремистских групп, таких, как “Хезбалла”, “Аль-Каида” и “Аум Синрикэ”, от обычных террористов раскрывают некоторые общие тенденции, определяющие персональную склонность террористов к использованию оружия массового уничтожения в ближайшие годы. ... Наиболее опасными скорее всего будут религиозные террористы. ... В отличие от средне-статистического политического или социального террориста, у которого есть четко определенная конкретная цель, которую можно выразить исходя из реакции масс-медиа или правительства, религиозные террористы оправдывают свои наиболее гнусные деяния тем, что последние совершаются “во имя Аллаха”». — *Rex A. Hudson «The Sociology and Psychology of Terrorism: Who Becomes a Terrorist and Why?» . — Report prepared under an Interagency Agreement by the Federal Research Division, Library of Congress. — September 1999. — Federal Research Division. — Library of Congress. — Washington, D.C. — <http://www.fas.org/irp/threat/frd.ht>.*

⁵² В одном из исследований РЭНД Корпорейшен, опубликованном в 1999 году, было выделено три основных «парадигмы терроризма»: терроризм как средство принудительной дипломатии. Терроризм как средство ведения войны и терроризм как предвестник «нового мира». — См.: *John Arquilla, David Ronfeldt, Michele Zanini «Networks, Netware, and Information-Age Terrorism» In: «The Changing Role of Information in Warfare». — RAND Corporation. — 1999.* Развивая эту концепцию, группа видных российских специалистов по проблемам терроризма отмечала: «... На первый план выступают парадигмы «терроризм как война» и «терроризм как средство достижения «нового мира». ... Причины отхода от парадигмы принудительной дипломатии, по мнению подавляющего большинства аналитиков, следующие: неспособность на равных бороться с хорошо оснащенными армиями, особенно принадлежащими высокоразвитым государствам, и как следствие — необходимость поиска новых средств ведения войны ... В этом случае терроризм тесно смыкается с понятиями асимметричной войны и партизанских способов ее ведения. ... Невозможность «модификации» современной политической системы по модели террористов и стремление к полному разрушению мира для создания нового, более справедливого, по их мнению, миропорядка». — *Супертерроризм: новый вызов нового века / Под общей редакцией А.В.Федорова. — ПИР-центр. — Москва, 2002. — С. 32.*

Вместе с тем, несмотря на ведущую роль исламистских групп в мировом террористическом сообществе, обозначившуюся в последние десять-пятнадцать лет, нет убедительных оснований предполагать, что другие направления терроризма окончательно сходят со сцены мировой политики.

Во-первых, происшедший после распада СССР и краха «восточного блока» кризис «традиционных» коммунистических партий и коммунистической идеологии не означает исчезновения в развитой части мира антисистемных настроений левого толка вообще. Одним из их проявлений стал всплеск так называемого «антиглобалистского движения», включающего в себя, помимо всего прочего, многообразные и многочисленные троцкистские, маоистские, геваристские, анархистские и иные экстремистские группировки, являющиеся основным кадровым резервом левого терроризма. Интересно, при этом, что, как отмечает ряд исследователей, для идеологов и лидеров исламистского терроризма характерны определенные интеллектуальные и концептуальные заимствования взглядов и установок теоретиков «новых левых»⁵³.

Во-вторых, хотя современный религиозно-мотивированный терроризм получил распространение именно в исламской среде, нарастающая угроза исламистского терроризма на фоне постоянного увеличения мусульманского населения в Европе может привести, а в ряде случаев уже приводит, к всплеску правого терроризма антиисламского толка в странах Европы и США. В России, в частности, вызывает тревогу появление так называемых «скинхедов», пока плохо организованного компендиума молодежных группировок фашистского толка, преследующих эмигрантов из новых независимых государств Центральной Азии и Южного Кавказа.

В-третьих, этносепаратистские группировки во многих случаях не ограничивают свои цели отделением соответствующей территории от того или иного государства, но и формулируют представления о социально-политической природе общества, которое они со-

⁵³ Канадский исследователь Уоллер Р. Нетвелл отмечает, например, что идеи Фанона были взяты «на вооружение идеологами Ближнего Востока. Многие лидеры шиитской революции в Иране, которые свергли шаха и привели к власти Аяятоллу Хомейни в 1979 году, исповедовали именно это ответвление марксизма. ... Иранская революция была порождением исламского фундаментализма и европейского социализма новой волны. Последователи Хайдеггера и Фанона ... оправдывали революцию как лечебное очистительное насилие, которое вернет незападным народам то достоинство, которое было ими утрачено в результате колониального подавления и навязанного американского материализма, гедонизма и аморальности. ... Эта же смесь исламского фундаментализма и левого марксизма нашла выражение в идеологии Аль-Каиды, яснее всего изложенной Усамой бен Ладеном в манифесте «Декларация войны против Америки»(1996). В арабских интеллектуальных кругах имя бен Ладена тесно связано с идолом новых левых – Че Геварой. ... Точно так же, как Хайдеггер хотел возвращения немецкого народа к коллективизму крови и почвы, а Пол Пот – возвращения народа Камбоджи к нулевой отметке, так и Осама мечтает о возвращении арабского мира к чистоте Ислама XVII века. И в полном согласии с Фаноном, обосновавшим невозможность достижения революционных целей мирными средствами путем реформ, Осама провозгласил террор благом и лекарством. Готовность убивать стала свидетельством идейной чистоты». – Уоллер Р. Нетвелл. *Постмодернистский джихад*. – <http://www.lebed.com/2001/art2750.htm>.

бираются создать после достижения независимости. При этом они нередко обращаются либо к левым идеям, либо, что характерно для нынешнего периода, этномотивированные террористические движения перерастают в исламистские. В частности, чеченские террористические группировки стремятся не просто отделиться от России, но и создать на территории Чечни и других республик Северного Кавказа исламское государство⁵⁴.

В свете этого, анализ основных политико-идеологических течений террористического характера может оказаться полезным для оценки его перспектив.

Этномотивированный терроризм

В XX веке, особенно в его второй половине, сложились несколько крупных устойчивых очагов терроризма, мотивированного этническими факторами. С начала XX века быстро набирал силу сепаратистский терроризм в Северной Ирландии, причем ирландские террористы получали, особенно во время второй мировой войны, материальную помощь от гитлеровской Германии. К нынешним зонам этномотивированного терроризма, в первую очередь, относятся Страна Басков в Испании, Северная Ирландия и зона проживания тамилы в Шри-Ланке. В каждом из этих случаев этнические факторы реализуются в различных политических программах. Так, ЭТА, действующая в Стране Басков, добивается независимости от Испании. Аналогичные установки характерны для Тигров освобождения Тамил Илама, оперирующих в Шри-Ланке. Североирландские террористические организации придерживаются ирредентистской ориентации, ставя своей целью воссоединение с Ирландией.

Сегодня весьма активны террористические группировки, мотивированные смешанными — этническими и религиозными факторами. К ним относятся мусульманские террористические группы, действующие в индийской части Кашмира и ставящие своей целью присоединение его к Пакистану; сепаратистское движение в китайском Синьцзяне, активно использующее мусульманские лозунги; а также чеченские террористические группы, ставшие в последние годы интегральным элементом исламистского «террористического интернационала».

Наряду с этими крупными движениями, в Африке и Азии действуют многочисленные, как правило, небольшие по численности террористические группировки, возникшие на племенной основе. Нередко они добиваются не столько политических, сколько эконо-

⁵⁴ Так, один из идеологов и лидеров чеченского вооруженного сепаратизма Хож-Ахмед Нухаев писал: «Нет никакого противоречия между Исламом и верно понимаемым национализмом. ... Воистину, Ислам — это всеохватывающая система, не только регулирующая все аспекты жизни, как отдельных мусульман, так и всей нации, но и предписывающая им строго определенную организацию жизни общества». — *Хож-Ахмед Нухаев. Чеченцы скорее изменят мир, чем изменят своим традициям.* — Москва: Издательство Мехк-Кхел, 2002. — С. 71.

мических целей, например, контроля над источниками ценных природных ресурсов или зонами производства наркотиков.

Вопрос о влиянии и перспективах этномотивированного терроризма остается открытым, имеют место противоречивые тенденции. С одной стороны, ни одна из названных крупных террористических организаций этого направления не имеет реальных шансов на успешную реализацию своих целей. Но, с другой — власти соответствующих государств на протяжении многих лет не могут их подавить силой или политическим путем устранить поддержку этих организаций со стороны части населения соответствующих территорий. Вместе с тем, этномотивированные террористические группировки становятся фактором влияния, выходящим за рамки территории, являющейся «естественной» зоной их деятельности, лишь в том случае, когда они вливаются в левое (как было в период холодной войны) или исламистское экстремистское движение, что характерно для нынешнего периода.

Левый антисистемный терроризм

На протяжении последних 150 лет, вплоть до конца 1980-х годов, важнейшим компонентом терроризма было революционное или, точнее, антисистемное течение левого толка. Некоторые эксперты усматривают его истоки в тираноборчестве или, иначе, монархомахии. Можно встретить поиски аналогий между идеологией левого терроризма и взглядами некоторых раннехристианских сект⁵⁵. Термин «антисистемный» применительно к этим группировкам представляется более правильным, чем «революционный». Террористы, революционеры и иные экстремисты левого толка — от якобинцев XVIII века до нынешних «антиглобалистов», выступая с резкой и в ряде случаев оправданной критикой современного им общества, как правило, невнятно и всегда крайне идеалистически формулируют характеристики той общественной системы, которую они хотели бы видеть на месте нынешней.

Начало левого терроризма в современном его понимании обычно датируется серединой XIX века. В это время в ряде европейских стран, а чуть позже — в США, возникли анархистские организации, а в России — антисистемные группы, выросшие во второй половине XIX века в народовольческие и иные революционные движения. И в России, и в Европе эти группировки взяли курс на индивидуальный террор против высших представителей государственной власти. В Европе и США волна анархистского терроризма достигала порой весьма высоких уров-

⁵⁵ Так, на одном из российских веб-сайтов лево-радикальной направленности утверждается: «Чтобы понять сущность феномена левого терроризма и причины его возникновения необходимо заглянуть в отдаленное прошлое. Источник жертвенного героизма террористов нашего времени следует искать в стремлении к мученичеству ранних христиан. В леворадикальном терроре очень характерно проступают именно раннехристианские корни и раннехристианская жертвенность. Скрытый религиозный аспект в этом движении очень силен, особенно это касается Италии и Латинской Америки». — *Краткий курс истории RAF*. — <http://mikishev.narod.ru/Istorija/raf/htm>.

ней⁵⁶. Однако там она не имела серьезных долгосрочных политических последствий, тогда как в России революционный терроризм стал одним из факторов подрыва жизнеспособности империи. Одним из возможных объяснений этого может быть то, что демократические и демократизирующиеся государственные институты являются намного более устойчивыми к деструктивным воздействиям, чем кажущиеся на первый взгляд незыблемыми авторитарные режимы имперского типа. Кроме того, социально-политический конфликт, нашедший свое выражение в левом терроризме в США и Европе в конце XIX – начале XX века, был намного слабее, чем столкновение общественных интересов в России, и при этом имел, в отличие от России, иные, легитимные политические, а не силовые формы своего разрешения.

Исторически первым актом революционного терроризма в России стало неудавшееся покушение на Александра II, совершенное недоучившимся студентом Каракозовым в 1866 году. После этого последовала серия покушений на императора, завершившаяся 1 марта 1881 года его убийством. Впрочем, расчет террористов не оправдался: вместо народной революции в стране начались еврейские погромы. Наиболее массовая волна терроризма в России произошла в конце XIX – начале XX века. Она достигла своего пика в 1905-1907 годы, во время так называемой первой русской революции, когда было убито и ранено почти 4500 государственных чиновников и примерно столько же частных лиц⁵⁷. Окончательно же подавить массовый терроризм российским властям удалось только к 1910 году, главным образом, применяя жесткие полицейские и судебные меры. Однако иммунная система империи оказалась серьезно ослабленной, в том числе потому, что террористы пользовались симпатиями, а иногда и материальной поддержкой части так называемого «просвещенного класса».

Во второй половине XIX века формируется концептуальная база левого терроризма. Важный вклад в ее создание внесли российские идеологи терроризма Бакунин, Кропоткин, Ткачев, Лавров, Нечаев, деятели Народной воли и позже – партии эсеров. Они попытались обобщить и применить к российским условиям опыт революционных выступлений в Европе середины XIX века⁵⁸. Впрочем, в отличие от европейских

⁵⁶В частности, в 1854 году анархистами был убит герцог Пармский, в 1856 году совершены покушения на Фердинанда III Неаполитанского и испанскую королеву Изабеллу. В 1868 году убит сербский князь Михаил Обренович III. Совершены неудачные покушения на будущего германского императора Вильгельма I и Отто Бисмарка. В 1894 убит президент Французской республики Сад Карно, а в 1881 году – президент США Дж. Гартфельд. В 1901 году – убит президент США Мак-Кинли. Это лишь некоторые из наиболее громких террористических актов европейских и американских анархистских террористических организаций.

⁵⁷ *КоммерсантЪ – Власть*. – 2004. – 16-22 февраля. – С. 37.

⁵⁸ Действительно, следует отметить, что многие идеи были заимствованы русскими теоретиками терроризма у своих европейских единомышленников. Так, в 1840-х немец Вильгельм Вейтлинг высказал идею непрерывной партизанской войны. Его соотечественник Карл Гейнцен объявил мораль относительным понятием и доказывал правомочность адресных убийств власть имущих. Француз Брусс ввел для обоснования терроризма ставший популярным термин «пропаганда действием». Эмигрировавший в США немец Мост утверждал, что теракт – лучшее средство пропаганды. С его точки зрения каждый теракт находит подражателей и вызывает следующие теракты. Американская анархистка Эмма Гольдман представляла террористов мучениками подобными Христу. – <http://krugosvet.ru/articles/104/1010495/print.htm>.

революционеров, добивавшихся демократизации политической системы, российские революционные деятели делали главную ставку на захват власти в результате массовых беспорядков, спровоцированных террористическими акциями, и в дальнейшем — на систематический террор в отношении бывших привилегированных слоев.

Многие из разработанных ими тогда идей сохраняют свое значение сегодня, определяя важные аспекты стратегии и тактики террористических организаций, причем не только левого толка. Собственно, главная стратегическая установка современного терроризма — дезорганизация власти, провоцирование массовых выступлений и беспорядков, ответных репрессий властей, создание в результате всего этого обстановки хаоса и нестабильности — остается именно такой, какой она была сформулирована теоретиками и практиками террористических движений второй половины XIX века.

В межвоенный период левый терроризм в Европе в основном имел государственный характер. Он осуществлялся главным образом коммунистическими группировками, действовавшими под руководством или, по крайней мере, при существенной поддержке и помощи со стороны советских специальных служб. В частности, Коминтерн, фактически, стал первым опытом создания международной политической иерархически организованной и идеологически мотивированной структуры, имевшей, в том числе террористические функции.

После второй мировой войны начинают складываться крупные очаги левой террористической активности, охватывающие главным образом зону развивающегося мира. Первый — возник в Юго-Восточной Азии и в Индокитае. Во второй половине 1940-х годов начались инициированные местными коммунистическими партиями под антиколониальными лозунгами партизанские войны во Вьетнаме, Бирме, Таиланде, Индонезии, на Филиппинах и в Малайе. В 1950-е годы партизанское движение в Малайе было подавлено англичанами. В Индонезии коммунистическое партизанское движение сошло на нет после провозглашения независимости, но в ряде районов страны возникли вооруженные сепаратистские группировки, а впоследствии, уже в конце XX века, — исламского толка. В Индокитае, как известно, коммунисты в конечном итоге одержали победу, после того как террористические партизанские действия переросли в крупномасштабные гражданские и, фактически, регулярные войны, одной из сторон в которых был Северный Вьетнам. На Филиппинах, в Бирме и Таиланде коммунистическое террористическое движение тлеет в отдаленных районах до сих пор, но его активность существенно ниже, чем исламистских или этноплеменных террористических групп.

Со второй половины 1950-х годов зоной левых террористических выступлений, принявших форму сельской, а затем — городской гериллы, стала Латинская Америка. Главным и, по сути дела, единственным ее успехом явилась победа кастристского движения на Кубе. Она вдохновила левых террористов во многих странах латиноамериканского континента. В Бразилии, Аргентине, Перу, Уругвае, Боливии,

Никарагуа, Сальвадоре, Гватемале, Колумбии и некоторых других странах попытались воспроизвести кубинский опыт. Как и в случае Коминтерна, это было проявление международного терроризма, если иметь в виду под этим создание устойчивой интернациональной структуры, мотивированной едиными идеологическими установками и координируемой из одного центра, который находился в Гаване.

Ни Кастро, ни Че Гевара, ни другие лидеры «сельской герильи» в Латинской Америке не внесли, по сути дела, ничего нового в стратегию партизанской войны. Они попытались, причем за исключением Кубы и затем Никарагуа крайне неудачно, применить к условиям континента доктрину партизанской войны, разработанную в 1930-е годы Мао Цзэдуном⁵⁹.

Таблица 6

Основные положения доктрины партизанской войны Мао Цзэдуна⁶⁰

<p>Первый этап. Создание «партизанской базы» (очага) в удаленном труднодоступном неконтролируемом властями горном или лесном районе.</p>	<p>В зоне «очага» формируются партизанские отряды и вся инфраструктура, необходимая для их активной деятельности за пределами «очага». Проводится разделение земли между крестьянами, ликвидация помещиков, лояльное отношение к богатым крестьянам, обещание освободить от налогов. Трактовка этих мероприятий как примера организации будущей «народной власти». Отказ от радикальных мер социалистического толка, в том числе коллективизации.</p>
<p>Второй этап. Создание «партизанских районов», в которых партизаны проводят активные операции против правительственных сил, но не пытаются установить свой постоянный политический контроль.</p>	<p>Действуя на значительном расстоянии за пределами «базы», партизаны стремятся измотать силы противника, создать атмосферу неуверенности и неустойчивости, дезорганизовать социальную, экономическую и политическую обстановку, нарушить коммуникации правительственных сил.</p>
<p>Третий этап. Постепенно расширяя зону своих действий, создавая новые «очаги», партизаны полностью овладевают стратегической инициативой.</p>	<p>Власть теряет силы в борьбе с партизанами, сосредоточивает войска в крупных городах и важнейших военных базах, которые постепенно теряют связь друг с другом. Партизаны стремятся перерезать коммуникации между правительственными анклавами, переходят к крупным стратегическим операциям по захвату одного за другим укрепленных пунктов противника, начиная с наиболее удаленных от столицы гарнизонов правительственных войск. В конце партизаны занимают столицу.</p>

Стратегия Мао до сих пор считается классическим образцом стратегической мысли XX века. В частности, большое значение придавалось созданию так называемого «партизанского очага», который, как

⁵⁹ Нельзя не отметить, что, по данным экспертов, идеи и тактические приемы Мао-Цзэдуна, Маригеллы и Че Гевары старательно изучаются и используются чеченскими боевиками.

⁶⁰ Данная концепция сформулирована главным образом в работах «Стратегические вопросы революционной борьбы в Китае» (1936 год) и «Вопросы стратегии партизанской войны против японских захватчиков» (1938 год). Подробно см.: Александр Тарасов. *Наследие Мао для радикала конца XX – начала XXI века. Лекция из цикла «Общественная мысль XX века: практически ценное для политического радикала наших дней», прочитанного в Свободном университете им. С. Курёхина в 1996-1997 годах.* – <http://radical-xxi.narod.ru/mao.htm>.

планировалось, мог стать своего рода эпицентром партизанско-террористической деятельности. Вместе с тем, победа коммунистов в гражданской войне в Китае в 1946–1949 годах была во многом обусловлена не только, а быть может и не столько гениальными стратегическими установками Мао Цзэдуна, сколько массивной помощью со стороны СССР, включая поставки оружия и направление военных специалистов.

Провал сельской герильи стимулировал лидеров и теоретиков левого терроризма в Латинской Америке к разработке новой доктрины – «городской герильи». Вместо создания относительно крупных партизанских отрядов в сельской местности, где они так и не смогли получить поддержку крестьянского населения, ставка была сделана на формирование небольших групп боевиков, предназначенных для действий в мегаполисах. Во многом они руководствовались весьма популярным в радикальных кругах эссе Маригеллы «Бразильская герилья. Краткий учебник городского партизана», представлявшим собой сборник тактических приемов и правил террористической деятельности в городских условиях.

Городская герилья оказалась не более успешной, чем сельская. Хотя отдельные акции городских террористов доставили, и порой доставляют до сих пор, немало забот властям, левые террористы в Латинской Америке не пользуются сколько-нибудь серьезной поддержкой населения, не способны выдвинуть более или менее привлекательную концепцию социального и политического развития континента. По сути дела, оказалась опровергнутой основная стратегическая установка левого терроризма: представление о том, что террористическая активность может пробудить массы и вселить в них решимость вести революционную борьбу.

В 1970–80-е годы всплеск левого терроризма произошел в ряде европейских государств, прежде всего в Германии и Италии⁶¹. Эта террористическая волна, с одной стороны, продемонстрировала политическую абсурдность и концептуальную несостоятельность левого антисистемного движения. С другой – свидетельствует о возможности появления относительно массовых деструктивных настроений, перерастающих в своем крайнем выражении в терроризм, которые, по крайней мере, на первый взгляд, не обусловлены реальными политическими и материальными предпосылками. Действительно, можно если не оправдать, то хотя бы понять, например, латиноамериканский терроризм 1950–70-х годов, учитывая тяжелое экономическое положение крупных социальных слоев и репрессивный характер многих правящих режимов континента. Но левый экстремизм в Европе в 1970–80-х годах возник на фоне вполне благоприятной экономической обстановки (например, в первой половине 1960-х годов

⁶¹ Строго говоря, отдельные террористические акты Красных бригад в Италии и немецких террористических организаций, возникших на основе Фракции Красной Армии (RFA), продолжались до середины 1990-х годов. Однако основная волна левого терроризма в Европе была сбита в 1980-е годы.

безработица составляла в Германии 1 процент трудоспособного населения, а темпы роста ВВП превышали 5 процентов); строительства так называемых «социальных государств» и в условиях эффективно работающей демократической системы.

Единого, принятого всеми объяснения причин всплеска левого террористического движения в Европе в 1970-80-е годы нет. Принятая в советской литературе концепция, трактовавшая его как экстремистскую и ошибочную, с точки зрения типичной для компартий версии марксизма, реакцию на обострение общего кризиса капитализма, не выдерживает критики и сопоставления с реальностью. Не менее одиозны попытки представить это движение как результат деятельности западных и/или коммунистических спецслужб. И те, и другие, разумеется, пытались использовать рассматриваемые группировки в своих интересах, но они не могли вызвать к жизни достаточно серьезный социальный феномен.

Видимо, хотя это только одно из возможных объяснений, подъем левого терроризма в Европе обусловлен спецификой менталитета части молодых представителей среднего класса, которая испытывала серьезные трудности в адаптации к складывавшимся в тот период в Европе социально-политическим и экономическим условиям⁶².

Таблица 7

Социальная принадлежность членов левых террористических группировок в Европе в 1970-80-х годах⁶³

Социальная принадлежность	ФРГ	Франция	Италия	Испания
Студенты и интеллигенция	54,6	55,8	52,4	53,5
Профессиональные преступники	18,6	16,4	20,2	15,6
Мелкие и средние предприниматели	10,1	9,9	11,2	14,3
Буржуазия	9,5	7,9	7,2	6,3
Чиновники и служащие	6,3	5,5	7,9	4,2
Рабочие	0,9	3,6	1,1	1,2

⁶² Известно несколько основных психологических моделей, объясняющих приобщение индивида к террористической деятельности. Классический психоанализ, например, ищет истоки соответствующего поведения в невротических девиациях, порожденных условиями социализации. Но действие психологических факторов, видимо, намного сложнее, чем это вытекает из психоаналитических моделей. Как пишет американский специалист Авраам Левин, «кажется несомненным, что когда речь идет об идейных вдохновителях, организаторах и ведущих фигурах террористических братств, тем более о террористах-одиночках, вполне адекватно предложенное классиками психоанализа понимание личностных черт наиболее известных разрушительных фигур XX века. Коренящийся в комплексе неполноценности нарциссизм, садомазохизм, некрофилия ... очевидны всякому, кто знаком с высказываниями Осамы бин Ладена и результатами реализации его планов. Однако уже применительно к современным фигурам такого уровня психоаналитическая парадигма, выводящая деструктивизм из свойств невротических личностей, в мотивах которых доминирует давление бессознательной сферы психики, кажется недостаточной. Еще труднее свести к влиянию индивидуального “бессознательного” объяснение поведения многочисленных рядовых членов террористических организаций. ... Главный импульс идет от упрощенного логического начала, абсолютизации идеи, подавляющей, вытесняющей из сознания все,

Характерно, что в подавляющей своей массе члены этих организаций никак не могут быть отнесены к дискриминированным общественным группам и, соответственно, их действия трудно объяснить стремлением исправить допущенную в отношении их социальную несправедливость, а также желанием избавиться от нищеты и других « пороков капитализма ».

В наиболее широком концептуальном плане левый терроризм второй половины прошлого века в Европе опирался на эклектический набор положений, почерпнутых в работах Ж.-П. Сартра, Г. Маркузе, А. Грамши, Д. Лукача, Т. Адорно и многих других авторов, пытавшихся, в частности, сформулировать некую левую альтернативу как западному демократическому обществу, так и советскому тоталитаризму⁶⁴. Революционные идеи более практического толка черпались из произведений «классиков» левого экстремизма: Нечаева, Кропоткина, Бакунина, Троцкого, Ленина, Мао-Цзэдуна и им подобных, дополненных инвективами Че Гевары, Ф. Фанона, Р. Дебре и других идеологов «новых левых». В частности, большое впечатление на левых экстремистов производили, как и производят сегодня, идеи Сартра и Фанона о революционном насилии как пути морального возрождения человека и человечества. Тактика же

что противоречит этой идее или не укладывается в ее прокрустово ложе. ... Не из бессознательной сферы психики, а из ограниченного сознания, воспринимающего мир только в черной и белой красках, возникают овладевающие массами разрушительные устремления. Склонность видеть сложный и противоречивый мир через упрощающую призму одной только что усвоенной идеи и думать, что все, несоответствующее этой идее, подлежит уничтожению, свойственна подростковому сознанию. Однако в период кризиса социальной системы такие идеи, обретая форму мифа, закрепляются, не позволяя сознанию взрослеть. ... Светские и религиозные учения, используемые в качестве идеологий, ... под влиянием проповедников и агитаторов становятся источником формирования ценностей и социального поведения. Сами вожди враждующих между собой партий, поведение которых диктуется эгоистическими социальными интересами и идущей из глубин бессознательного жаждой власти, используют созданный и поддерживаемый ими миф для рационализации ... своего безграничного властолюбия и бесчеловечности. Наивной и искренней добычей мифологизации сознания становится, в первую очередь, маргинальная молодежь, не сумевшая благополучно завершить ролевую идентификацию и, как отмечалось выше, не способная критически, релятивистски оценивать преподносимые ей простые ответы на сложные вопросы. — Авраам Левин. *Психология террора*. — <http://yurpsy.by.ru/help/xrest/text/terror/01/htm>.

⁶³ <http://alter-narod.ru/Levaki.htm>.

⁶⁴ Постулируя якобы «тоталитарный» характер позднего индустриального общества, Г. Маркузе, например, утверждал: «Тоталитарные тенденции одномерного общества делают традиционные пути и средства протеста неэффективными, а возможно, и опасными, поскольку сохраняют иллюзию верховенства народа. В этой иллюзии есть доля правды: “народ”, бывший ранее катализатором общественных сдвигов, “поднялся до роли катализатора общественного сплочения”. ... Однако под консервативно настроенной массой народа скрыта прослойка отверженных и аутсайдеров, эксплуатируемых и преследуемых представителей других рас и цветных, безработных и нетрудоспособных. ... Их противостояние (обществу — Ю.Ф.) само по себе революционно, пусть даже оно ими не осознается. Это противостояние наносит системе удар снаружи, от которого она не в силах уклониться». — Г. Маркузе. *Одномерный человек*. — Москва, 2003. — С. 330-331. Нетрудно увидеть в этой инвективе Маркузе повторение рассуждений российских идеологов и практиков терроризма XIX века о «революционной» роли маргинальных слоев, именовавшихся в России нередко «разбойниками». Но важно другое. Утверждения Маркузе об «эксплуатируемых представителях других рас» как о революционной силе еще раз привлекают внимание к перспективе этнического конфликта в Европе, который может быть использован лидерами террористических движений как левого, так и исламского толка.

терроризма основывалась, прежде всего, на печально известной брошюре Карлоса Маригеллы, посвященной партизанской войне в городах.

Эта эклектическая смесь лево-радикальных идей кристаллизовалась в мышлении европейских террористов левого толка в двух основных положениях:

- Первое – современное западное общество является по своей природе фашистским, причем наиболее ярким и жестким образцом этого фашизма они считали Соединенные Штаты, а самым опасным его проявлением – американскую войну во Вьетнаме.
- Второе – сами европейские левые радикалы воспринимали себя двояким образом: и как борцами сопротивления, продолжающими борьбу с фашизмом, и как партизанами «третьего мира», борющимися с колониализмом, американским империализмом, сионизмом и другими, как они считали, неизлечимыми пороками западной системы.

Средством борьбы были выбраны террористические акции. Нередко началом левого европейского терроризма 1970-80-х годов считают поджог крупного универмага во Франкфурте 2 апреля 1968 года. Это был знак солидарности с вьетнамским народом и одновременно выражение протеста против общества массового потребления. Абсурдность данной акции, впрочем, типичной для левого терроризма в целом, очевидна: уничтожение немецкого супермаркета никоим образом не могло помочь вьетнамским партизанам и уж тем более не могло внушить европейскому обывателю отвращение к потребительскому обществу. То же самое можно сказать и о других террористических актах, совершенных европейскими последователями Сартра и Нечаева, в том числе убийствах нескольких видных представителей политического и делового мира европейских государств, например, бывшего премьер-министра Италии Альдо Моро и нескольких тысяч рядовых обывателей.

Левые европейские террористы этого периода создали немало проблем для правоохранительных органов. Они пользовались симпатиями определенной части левой интеллигенции Запада, в том числе ее верхушечного компонента. В Германии появился даже специфический термин для обозначения этих кругов – «шили», что представляло собой некую аббревиатуру от словосочетания «шикарные левые». Однако в широких массах европейское левое террористическое движение не могло вызывать ничего, кроме отвращения, что и предопределило, в конечном итоге, его политический крах. Вместе с тем, как уже говорились, полностью исключать вероятность возрождения левого терроризма невозможно. Антисистемные настроения, получившие наиболее известное выражение в так называемом «антиглобалистском движении», достаточно широко распространены в странах Запада, в России и ряде развивающихся государств. То обстоятельство, что знаменем этого движения стал Че Гевара, подтвер-

ждает возможность формирования в недрах «антиглобализма» нового терроризма левого толка⁶⁵.

Правый терроризм

В известной мере политической антитезой левому антисистемному терроризму является правый терроризм. Его целью является защита террористическими методами либо существующей системы или режима, либо привилегированного положения той или иной социальной группы или слоя. Такого рода терроризм нередко пользуется прямой или косвенной поддержкой правящей группировки. В качестве примера можно привести возникшее в России в начале XX века Общество Михаила Архангела и другие аналогичные организации антисемитского толка, получившие общее название «черная сотня». Ряд исследователей справедливо отмечают, что некоторые концептуальные установки российских черносотенцев были заимствованы нацистскими идеологами. Стоит отметить в этой связи, что ведущий теоретик нацизма Альфред Розенберг был выходцем из императорской России, а несколько деятелей белоэмигрантского движения, обосновавшиеся в Германии, оказались весьма близки вершине нацистской партии.

В 1930-е годы в Европе, наряду с левыми, активно действовали фашистские террористические организации, пользовавшиеся покровительством нацистской Германии. Самым известным террористическим актом, совершенным прогерманскими хорватскими террористами, было убийство югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Луи Барту.

В ряде случаев правый терроризм выступает против власти, если его лидеры и сторонники убеждены, что последняя недостаточно активно защищает интересы, близкие данному террористическому движению. Так, в 1960-е годы во Франции активно действовала доставившая много тревог властям правая террористическая группировка

⁶⁵ В своих доктринальных документах «антиглобалистское движение», разумеется, отмежевывается от поддержки терроризма. Вместе с тем, во-первых, под «терроризмом» понимается только нападения на гражданских лиц. Во-вторых, выражается недвусмысленная поддержка палестинским террористическим организациям и режиму Талибан в Афганистане. В-третьих, по сути дела, разрабатывается концепция равной ответственности террористов и ведущих западных стран. Так, в Хартии II Всемирного социального форума 2002 года говорится: «После атаки террористов, которую мы абсолютно осуждаем, так же как осуждаем любые другие нападения на гражданских лиц в других частях мира, правительство Соединенных Штатов и их союзники предприняли масштабную военную операцию. Во имя войны против терроризма гражданские и политические права были атакованы по всему миру. Война против Афганистана, в которой были использованы террористические методы, сейчас распространяется и на другие фронты. Таким образом, это начало непрерывной всемирной войны для укрепления господства правительства США и их союзников. Эта война обнаруживает другое лицо неолиберализма, лицо, которое является зверским и неприемлемым. ... Неотложная задача нашего движения — мобилизовать солидарность с палестинским народом и его борьбой за самоопределение перед лицом жесткой оккупации израильским государством». — *Альтерглобализм: теория и практика «антиглобалистского» движения / Под ред. А.В. Бузгалина. — Москва, 2002. — С. 249-250.*

Организация секретной армии (L'Organisation armee secret), протестовавшая против ухода французов из Алжира. Другие примеры правого терроризма – «оранжистские» группировки в Северной Ирландии, Ку-клукс-клан и «минитмены» в США и так далее.

Привлекает внимание, что если левый терроризм черпает свои кадры из относительно образованной части общества, то правый терроризм опирается на сравнительно малообразованные слои. Так, в Германии в начале 1980-х годов примерно половина участников правых террористических групп имела незаконченное среднее образование и лишь 10 процентов – законченное высшее образование. При этом около 75 процентов из них относились к категориям квалифицированных (41 процент) и неквалифицированных (34 процента) рабочих⁶⁶.

Таблица 8

Образовательный уровень участников правых террористических групп в Германии (в процентах)⁶⁷

Незаконченное среднее (volkschulle)	49
Техническое (ремесленное училище)	22
Законченное среднее	17
Университетское	10
Другое	2

Ближневосточный левонационалистический терроризм

Устойчивый очаг специфической террористической активности сложился во второй половине XX века на Ближнем Востоке. Идеологическая платформа значительной части ближневосточных террористических группировок изначально носила эклектический характер. Ее основными установками были национализм, антисемитизм и, по крайней мере, декларируемые социалистические лозунги. Если первые два компонента имманентны арабскому политическому сознанию, то с социалистическими идеями дело обстояло сложнее. Нельзя исключать, что некоторые лидеры арабских экстремистских и террористических организаций действительно разделяли социалистические и даже марксистско-ленинские взгляды. Но гораздо более вероятно, что в массе своей они спекулировали приверженностью левой идеологии с тем, чтобы обеспечить себе политическую, финансовую и военную поддержку со стороны Советского Союза и других социалистических стран.

⁶⁶ Rex A. Hudson «The Sociology and Psychology of Terrorism: Who Becomes a Terrorist and Why?». – Report prepared under an Interagency Agreement by the Federal Research Division, Library of Congress. – September 1999. – Federal Research Division. – Library of Congress. – Washington, D.C. – <http://www.fas.org/irp/threat/frd.html>.

⁶⁷ Rex A. Hudson «The Sociology and Psychology of Terrorism: Who Becomes a Terrorist and Why?». – Report prepared under an Interagency Agreement by the Federal Research Division, Library of Congress. – September 1999. – Federal Research Division. – Library of Congress. – Washington, D.C. – <http://www.fas.org/irp/threat/frd.html>.

Первой вспышкой массового терроризма левонационалистического толка в этом регионе стала антифранцузская партизанская война в Алжире, начавшаяся в 1954 году и завершившаяся в 1962 году уходом французов из Алжира. Победа националистов в Алжире стимулировала вооруженную борьбу против Израиля, и эпицентр ближневосточного терроризма переместился в 1960-е годы в Израиль и сопредельные страны. В конце 1950-х – начале 1960-х годов формируются ведущие палестинские организации, в том числе наиболее крупная из них – Организация освобождения Палестины, которая после поражения арабов в войне 1967 года начала массированную террористическую кампанию против Израиля⁶⁸. Официальная идеология ООП сочетала в себе, по сути дела, две основные идеи: уничтожение Израиля и создание на его месте палестинского государства, основанного на социалистических принципах.

Вооруженные отряды палестинцев, разумеется, не могли претендовать на то, чтобы нанести поражение израильской армии. Их стратегией с самого начала было уничтожение Израиля руками арабских государств, прежде всего, уже глубоко втянутых в конфликт Египта и Сирии. Для этого нужно было, в частности, постоянно подхлестывать напряженность, что и достигалось перманентными террористическими акциями. Немало усилий лидеры палестинцев приложили для того, чтобы вовлечь в борьбу с Израилем Советский Союз. Советское руководство, со своей стороны, всегда рассматривало Ближний Восток как поле противостояния с США, а ООП и ряд арабских государств – как своих клиентов и союзников в этом противостоянии. Помогая палестинцам политически и поставляя им оружие, в Москве, однако, не питали иллюзий относительно возможностей и мотивов Ясира Арафата и его сподвижников и, как правило, воздерживались от прямого участия в военных действиях.

Вплоть до начала 1990-х годов палестинские террористические организации были тесно связаны с левым европейским террористическим движением. В частности, учебные центры палестинских террористических организаций широко использовались левыми европейскими группировками, а возможности и связи последних в Европе часто оказывались весьма полезными террористам палестинским. Со стороны европейских террористов это сотрудничество было вполне естественным. Они рассматривали себя, в частности, в качестве идейных борцов с сионизмом, в котором видели одну из форм колониализма и фашизма. Известно, что немецкие террористы левого толка принимали участие в нескольких крайне одиозных террористических актах, совершенных палестинскими террористами, в том числе в угоне пассажирского самолета в Энтеббе. Со стороны арабских экстремистских и террористических группировок подход к сотрудничеству с европейскими террористами, скорее, носил прагматический харак-

⁶⁸ Первый крупный террористический акт был совершен ФАТХ (важнейшая составная часть ООП) 1 января 1965 года, но полномасштабная террористическая война против Израиля началась в 1968 году.

тер. Они рассматривали последних, прежде всего, как полезных союзников и помощников, помогающих действовать в Европе, но редко как своих подлинных братьев по оружию.

После краха Советского Союза и коммунистических режимов в Восточной и Центральной Европе палестинский терроризм приобрел во многом исламистский характер. С одной стороны, исчез один из главных источников материальной и военной помощи и провозглашавшие себя левыми и даже марксистско-ленинскими организации стали искать новых спонсоров в арабском мире, что требовало, естественно, смены идеологических ориентиров. С другой – все большую роль стали играть организации, изначально придерживавшиеся радикальных исламистских взглядов, прежде всего ХАМАС, Палестинский исламский джихад и Хезболла. Эволюция палестинского терроризма является одним из элементов глобального нарастания активности религиозно-мотивированного терроризма исламского толка.

Исламский терроризм

После «холодной войны» терроризм является наиболее распространенной формой вооруженной борьбы, которую ведут экстремистские исламские организации и движения фундаменталистского толка за утверждение своих ценностей и нормативной системы как в самом мусульманском мире, так и за его пределами.

Наиболее известная из первых организаций этого толка – «Братья-мусульмане», поставившая своей целью создание государства, основанного на исламских принципах и нормах, возникла в Египте в 1928 году. Концептуальные установки, разработанные ее основателем – Хасаном аль-Банной, а впоследствии – ведущим теоретиком Сайидом Кутбом, заложили основы мировосприятия и стратегии действий современного исламизма. Показательно, что во время второй мировой войны «Братья-мусульмане» поддерживали тесные контакты с нацистами, выступая нередко в роли прямой гитлеровской агентуры на Ближнем Востоке. В арсенал методов политической борьбы, практикуемых «Братями-мусульманами», был включен терроризм. Одним из первых террористических актов, совершенных этой группировкой, было убийство египетского премьер-министра Махира в 1945 году⁶⁹. В 1950-е годы египетские «Братья-мусульмане» были разгромлены режимом Гамаль Абдель Насера, в том числе был казнен С. Кутб. Однако ликвидация этой организации не могла устранить корней и предпосылок исламского экстремизма фундаменталистского толка в Египте. Радикальные организации возродились там в 1970-е годы, вошли в оппозицию правящему режиму и взяли курс на активную террористическую деятельность. В частности, в 1981 году исламистами был убит президент Анвар Садат.

⁶⁹ См. например: R. Labeviere *«Les dollars de la terreur: Les Etats-Unis et les islamistes»*. – Paris. – 1999.

С конца 1920-х годов экстремистские исламские настроения и организации, во многом сходные с «Братьями-мусульманами», возникают в Индии. Сразу после второй мировой войны они сыграли немалую роль в создании Пакистана. На протяжении всей второй половины XX века радикальные движения и настроения набирают силу практически во всех странах исламского ареала. Мощными факторами подъема экстремистских настроений и террористических движений во всем мусульманском мире стала так называемая «исламская революция» 1978-79 годов в Иране и война в Афганистане. В начале 1980-х годов появляются Палестинский исламский джихад и поддерживаемая иранским теократическим руководством Хезболла. Последняя стала пионером в использовании террористов-самоубийц, заявив о себе 18 апреля 1983 года взрывом американского посольства в Бейруте, в результате которого погибли более ста человек. Взрыв был произведен при помощи грузовика, за рулем которого сидел активист Хезболлы⁷⁰. В 1988 году была создана «аль Каида», ставшая наиболее известной и, видимо, наиболее мощной исламистской террористической организацией, объединившей вокруг себя целую сеть более мелких группировок. В 1998 году лидер «аль Каиды» Усама бен Ладен смог впервые добиться формального объединения нескольких крупных исламских террористических организаций, действующих в Египте, Пакистане, Бангладеш и Афганистане в Международный исламский фронт борьбы с евреями и крестоносцами⁷¹.

Активность исламских террористических группировок резко усилилась после окончания «холодной войны» и, особенно, войны в Афганистане. В начале 1990-х годов возникли первые очаги исламской террористической войны в Египте, Алжире, Боснии и Таджикистане. К концу прошлого десятилетия окончательно сложилась своего рода «дуга исламского терроризма», цепь государств и территорий, ставших зонами его действия. В нее вошли Алжир, Египет, Босния и Герцеговина, Косово, Чечня, Израиль, Ливан, Йемен, Саудовская Аравия, Турция, Кашмир, Таджикистан и ряд других территорий в Центральной Азии, прежде всего Ферганская и Ошская долины, Синьцзян, Филиппины и Индонезия. В этот период исламисты пришли к власти в Судане, Малайзии и Афганистане, причем последний, наряду с территориями, находящимися под контролем Палестинской администрации, стал зоной, где были сосредоточены важные элементы международной исламской террористической инфраструктуры. Сильное политическое влияние исламистские движения приобрели в Пакистане, в том числе в политическом истеблиш-

⁷⁰ Сергей Строкань, Антон Черных. *Иди и взорви // Коммерсантъ-Власть*. — 2002. — 5 февраля. — С. 34.

⁷¹ В Международный исламский фронт борьбы с евреями и крестоносцами вошли «Аль-Каида», Аль Гамаа аль Исламия (Египет), Аль Джихад (Египет), Пакистанское общество ученых (Пакистан), Повстанческое движение Кашмира (Пакистан), Джихад (Бангладеш), военная ветвь афганской организации «Совет и реформа». — *Супертерроризм: новый вызов нового века / Под общей редакцией А.В.Федорова*. — ПИР-центр. — Москва, 2002. — С. 180. Под крестоносцами исламские радикалы имеют в виду христиан.

менте и офицерском корпусе пакистанской армии и специальных служб. К началу нынешнего десятилетия конфликты в Таджикистане и Боснии были урегулированы, однако исламистские движения сохраняют там, особенно в Таджикистане, серьезное влияние. Несмотря на поражение режима талибов, политическая и военная ситуация в Афганистане крайне сложна и исламистские движения, в том числе «аль Каида» далеко не уничтожены. Крупный и крайне опасный очаг исламского терроризма сформировался в Чечне к началу второй чеченской войны.

На протяжении всех 1990-х годов исламистские террористические группировки совершали крупномасштабные акции главным образом против США и нескольких союзных им режимов в мусульманском мире, в том числе взрывы американских посольств в Кении и Танзании в 1998 году. События 11 сентября 2001 года стали трагическим подтверждением наблюдений и выводов специалистов, отмечавших в прошлом десятилетии рост активности и опасности исламского экстремизма. Во многом это связано с тем, что, в отличие от других современных террористических организаций, исламские террористические группы:

- объединяются в глобальные сети;
- активно проникают в сепаратистские и иные экстремистские группировки, действующие в странах исламского ареала, и зачастую подчиняют их себе;
- пользуются прямой и косвенной финансовой и организационной поддержкой со стороны ряда исламских государств; в частности, Саудовская Аравия и Малайзия являются одними из важных источников финансирования исламистских группировок, в том числе террористических;
- опираются на многочисленные широко разветвленные и связанные друг с другом благотворительные и другие социальные организации и фонды, а также религиозные учреждения (мечети, религиозные школы), являющиеся в ряде случаев системами сбора финансовых средств, рекрутирования новых членов террористических групп и их идеологической подготовки;
- мотивированы агрессивной, относительно целостной идеологией, имеющей универсальный характер и включающей в себя идею «священной войны» (джихада) против неверных и вероотступников, к которым относятся правящие режимы многих мусульманских государств;
- выбирают в качестве зоны действия не только собственно мусульманские страны, но все те государства, в которых существуют исламские диаспоры⁷²;

⁷² В частности, один из ведущих исламских публицистов, живущих в Великобритании, считающийся «умеренным», Фуад Нахди писал: «Мы должны сконцентрироваться на грядущей интифаде на улицах Бирмингема и Детройта». — *«The Sandy Telegraph»*. — July 25, 2004/ — P.21.

- ориентируются на акции, причиняющие массовые потери мирного населения, а также на широкое использование террористов-самоубийц (шахидизм) и осуществление в ряде случаев крупных террористических акций, не имеющих конкретной политической цели;
- действуют по многократно отработанной и проверенной схеме, предложенной одним из основателей радикального ислама Сайидом Кутбом: а) распространение своей идеологии путем активной проповеднической деятельности, б) создание организационных структур и вербовка членов, в) политическая деятельность с целью захвата власти⁷³.

Нельзя не отметить значительную численность исламистских террористических организаций. В частности, наиболее известная и опасная из них — «аль Каида» насчитывала до войны в Афганистане около 20 тысяч активных боевиков, прошедших подготовку в афганских лагерях и тренировочных центрах. В ходе операции в Афганистане были ликвидированы или взяты в плен около половины из 30 высших руководителей «аль Каиды», однако было уничтожено не более 2 тысяч рядовых боевиков. Это означает, что около 18 тысяч подготовленных исламских террористов, принадлежащих к этой организации, действуют примерно в 60 странах мира⁷⁴.

Важно и другое. Значительная часть руководящих центров исламских экстремистских и террористических организаций, многие благотворительные, социальные и религиозные организации, выполняющие фактически задачи сбора финансовых средств, рекрутирования новых членов и некоторые другие функции обеспечения террористической деятельности сконцентрированы в Европе. Обычно они не ведут открытой враждебной деятельности против страны пребывания, что избавляет их от полицейских преследований. Но таким образом в Европе создается разветвленная политико-идеологическая система и инфраструктура, которая в перспективе, не исключено, может быть развернута в эффективную террористическую сеть, опирающуюся на растущее мусульманское население европейских государств.

В свою очередь, в европейских странах растет недовольство ширящимся проникновением мусульманского населения. Так, согласно проведенному в конце 2004 года опросу общественного мнения, 52 процента опрошенных в 18 европейских государствах заявили, что в их странах весьма неодобрительно относятся к проживанию в Европе мусульман. Наиболее сильные антимусульманские настроения наблюдаются в странах Северной Европы, где их отметили около 70 процентов опрошенных⁷⁵. Такое состояние общественного мнения переключи-

⁷³ Семен Багдасаров. *Исламский радикализм — что делать?* // Независимая газета. — 14 сентября 2004 года. — С. 11.

⁷⁴ «Transnational terrorism after the Iraqi war. Net effect». — *Strategic comments*. — Volume 9. — Issue 4. — June 2003. — *International Institute of Strategic Studies*. — P. 1.

⁷⁵ См. Приложение 3.

кается с позицией ряда политических деятелей и экспертов, которые требуют от правительств европейских государств принять эффективные меры против проникновения мусульман в Европу, видят в этом своего рода исторический реванш исламской цивилизации или «третье завоевание мусульманами Европы»⁷⁶. В итоге, продолжение исламской миграции в европейские страны, которая резко усилится после принятия в Европейский Союз Турции, может привести в конце концов к острому религиозно-этническому конфликту, вспышкам терроризма как исламского, так и антиисламского толка.

Выводы

В 1990-е годы исламистский терроризм превратился в фактор глобального масштаба, в главную компоненту современного террористического сообщества. При этом радикальные взгляды фундаменталистского толка, являющиеся идеологической основой исламского терроризма, получают все более широкое распространение в мусульманском мире. При оценке перспектив исламского терроризма необходимо учитывать растущий демографический потенциал мусульманского географического ареала, контроль мусульманских государств над примерно 75 процентами нефтяных ресурсов современного мира, а также эскалирующую экспансию мусульманского населения в Европу.

Четвертая мировая война

Сама по себе религиозная мотивация террористической деятельности не является чем-то новым. Так, одной из самых ранних известных в истории террористических группировок являлась антиримская секта сикариев, действовавшая в Палестине в начале нашей эры. Правомочность тираномахии обосновывал один из ведущих христианских авторитетов Фома Аквинский⁷⁷. Важно, однако, выявить причи-

⁷⁶ Так, французский исследователь А. Дель Валь писал: «Европейские нации должны рассматривать возникновение геополитического исламистского пространства как серьезную угрозу, одновременно близкую и имеющую разнообразные формы. Угроза очень близка, так как исламская умма, обычное местонахождение которой — к югу и востоку от Европы, имеет тенденцию все больше распространяться посредством устойчивых гнойников, число которых растет в некоторых крупных столичных городах и регионах, в самом сердце Европы. На западе эти гнойники подпитываются неподконтрольной внеобщинной исламской иммиграцией (над чем «трудятся» меньшинства исламистских активистов), а на востоке — воссозданием европейских мусульманских государств (албанские анклавов Македонии и Косово, Босния, Санджак и Албания), связанных с исламскими государствами». — *A. Dell Valle «Islamisme et Etats-Unis: Une alliance contre l'Europe». — Lausanne. — 1999. — P. 182.*

⁷⁷ Суть этого явления или, точнее, этой политической практики, появившейся в Европе в средние века, заключалась в провозглашении права на публичное, демонстративное убийство монарха — и совершении такого убийства — в случае, если последний нарушает нормы, установленные церковью, особенно — потворствует ересям. Классическими примерами такого рода являются убийство французского короля Генриха IV, совершенное католическим фанатиком, а также «пороховой заговор» Гая Фокса.

ны возрождения религиозно-мотивированного терроризма исламского толка в конце XX века, и на этой основе оценить его перспективы.

Вопрос этот является предметом серьезных дискуссий. В частности, один из ведущих французских исламоведов Жиль Кепель считает, что исламизм теряет свой политический потенциал, в том числе в результате поражений в Египте и Алжире, поскольку террористическое насилие со стороны радикальных исламских групп отталкивает от них население⁷⁸. Оппоненты этой точки зрения, например, ведущий российский специалист по исламу Алексей Малашенко, полагают, что потенциал исламского радикализма сохранится до тех пор, пока не будут устранены порождающие его проблемы, а это произойдет очень нескоро⁷⁹.

Подобные расхождения оценок ставят вопрос: каковы причины порождающие исламский радикализм и экстремизм, являющиеся, в свою очередь, эмоциональной и интеллектуальной основой исламистского терроризма?

«Ситуативная» концепция

Ряд экспертов объясняют рост исламского терроризма, главным образом, ситуативными факторами. Действительно, быстрому подъему исламского терроризма в конце XX века способствовали следующие обстоятельства:

- Оказался серьезно подорванным материальный, инфраструктурный и, что может быть еще важнее, идеологический потенциал левого терроризма. Крах Советского Союза и коммунистических государств в Восточной и Центральной Европе лишил левые террористические движения в исламском мире одного из главных источников материальной поддержки. В этих условиях радикальные политические движения и группировки левого и националистического толка обращаются к исламистским доктринам.

⁷⁸ Жиль Кепель пишет, например: «Исламизму стало все труднее привлекать под свои знамена население, а созданная исламистами коалиция социальных групп, соблазненных перспективой скорого захвата власти, начала распадаться. Поэтому в последующие годы мы услышим голоса исламистских руководителей, идеологов и интеллектуалов, которые отныне будут выступать за решительный отказ от вооруженной борьбы, искать точки соприкосновения между мусульманским культурным наследием и демократическими ценностями, обличать авторитаризм правящих режимов». — Жиль Кепель. *Джихад. Экспансия и закат исламизма*. — Москва, 2004. — С. 15.

⁷⁹ Комментируя позицию Жили Кепеля, Алексей Малашенко пишет: «Основные проблемы мусульманского общества по-прежнему не решены. И, судя по всему, в ближайшее время выход из социально-экономических трудностей не предвидится. Скорее наоборот — многие полагают, что на грани кризиса находятся некоторые мусульманские нефтедобывающие страны, что негативно скажется на обстановке в умме. А значит часть неимущих мусульман еще неопределенно долго будет видеть избавление от бед и несчастий на пути «реисламизации» общества, инкорпорации в государственную систему элементов исламской государственности, аппеляцию к исламским нормативам и т.п. Иными словами, ислам останется одной из типических форм для выражения социального протеста, что опять-таки является оптимальной ситуацией для исламистов». — Алексей Малашенко. *Исламисты хлопают дверью? В: Жиль Кепель. Джихад. Экспансия и закат исламизма*. — Москва, 2004. — С. 443.

- «Исламская революция», происшедшая в конце 1970-х годов в Иране, и возникновение там теократического государства продемонстрировали для многомиллионных масс населения мусульманских стран возможность создания и относительно длительного существования государства, основанного на фундаменталистских исламских политических и правовых принципах и руководимого клерикалами. Иранский режим оказывал — и оказывает — поддержку ряду исламских террористических организаций, прежде всего одной из наиболее опасных из них — Хезболла⁸⁰.
- Вплоть до конца афганской войны исламистские группировки, в том числе террористические, пользовались поддержкой США ряда других западных стран, Саудовской Аравии и Пакистана, которые видели в исламистах не только силу, способную выиграть войну в Афганистане, но и фактор противодействия советскому влиянию и левым националистическим движениям в мусульманском мире в целом.
- Война в Афганистане привела к формированию многочисленного «международного сообщества моджахедов», сложившегося в процессе борьбы против советских войск. По некоторым данным, к моменту окончания войны в Афганистане там насчитывалось около 10 тысяч выходцев из других мусульманских государств⁸¹. После окончания войны в Афганистане группы сражавшихся там боевиков, в том числе лидер «аль-Каиды» Усама бин-Ладен, распространились по Ближнему и Среднему Востоку и частично по Европе и стали важной составной частью исламистского террористического движения, своего рода ферментами, вызывающими быстрый рост террористических ячеек. В их среде возникла иллюзия того, что победа в Афганистане продемонстрировала неустранимое изначальное превосходство мусульман над неверными.
- Первая «война в Заливе», особенно появление американских войск на «священной земле» Саудовской Аравии стимулировали и без того сильные антиамериканские установки в идеологии и политике радикальных исламистских группировок.
- Создание Палестинской администрации в результате достигнутых в Осло в 1993 году палестино-израильских соглашений способствовало формированию на подконтрольных этой администрации территориях, прежде всего в секторе Газа, своего рода террористических анклавов. В них была создана свое-

⁸⁰ «Хезболла» — шиитская террористическая организация, базирующаяся на территории Ливана. Создана и финансируется руководством Ирана. Ее вооруженные формирования насчитывают около 4 000 человек. «Хезболла» снабжает оружием и обучает боевиков палестинских террористических организаций ХАМАС и «Исламский джихад». По своей ненависти к Западу, особенно США и Израилю не уступает «аль Каиде». — *Марк Штейнберг. Удары с севера и изнутри // Независимое военное обозрение. — 2003. — № 8 (232). — 7-13 марта.*

⁸¹ *Семен Багдасаров. Исламский радикализм — что делать? // Независимая газета. — 2004. — 14 сентября. — С. 11.*

го рода инфраструктура исламистского терроризма, в том числе пункты подготовки террористов-самоубийц⁸².

- Победа движения Талибан в Афганистане, где возникла и существовала вплоть до войны 2001 года самая крупная в мире база исламских террористических движений.
- Война против саддамовского режима в Ираке привела к превращению Ирака в театр террористической войны исламского радикализма против государств международной коалиции.
- Арабо-израильский конфликт, война в Чечне, война против саддамовского режима в Ираке и пакистано-индийский конфликт являются мощными факторами мобилизации исламского терроризма, предоставляют его сторонникам серьезные пропагандистские аргументы, обеспечивают крупную финансовую поддержку со стороны элит ряда мусульманских стран. При этом, как и их исторические предшественники левого толка, вожди нынешних исламских террористических организаций делают расчет на то, что репрессии, неизбежно и, в общем, закономерно следующие за каждым террористическим актом, озлобляют мусульманское население и приводят к террористам новых приверженцев⁸³. Иными словами, складывается своего рода замкнутый круг: неурегулированные конфликты стимулируют исламский терроризм, но в свою очередь для верхушки и активистов соответствующих террористических организаций эти конфликты становятся важнейшим, если не единственным, *raison d'être*, и они всячески противодействуют их политическому урегулированию.

Сочетание названных факторов, полагают сторонники «ситуативной» концепции, по сути дела, и обусловило нынешнее положение дел в мировом террористическом сообществе. Если эта концепция справедлива, то урегулирование указанных конфликтов относительно быстро приведет к ослаблению исламского терроризма, вытеснению его на обочину мировой политики.

Анализируя эту точку зрения, нельзя не учитывать, что урегулирование палестино-израильского, кашмирского, иракского и чечен-

⁸² Б. Нетаньяху пишет, например: «Создание террористического анклава, возглавляемого Ясиром Арафатом, обеспечило безопасное убежище воинствующим исламским террористическим группировкам, таким, как ХАМАС и «Исламский джихад». И далее: «Израиль (пойдя на соглашение с ООП в 1993 году – Ю.Ф.), положившись на обещание Арафата принять меры против террористов, создал единственное в мире место, где исламские террористы пользовались безнаказанностью». — *Беньямин Нетаньяху. Война с терроризмом. Как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма.* — Москва, 2002. — С. 17, 150.

⁸³ Жиль Кепель справедливо писал: «Переход к насилию как способу мобилизации сторонников отнюдь не нов для радикальных организаций, и в этом отношении исламисты не являются первооткрывателями. Дважды десятилетиями ранее, когда коммунистическая идеология начала утрачивать свою привлекательность ... возникли итальянские «Красные бригады», немецкая «Фракция Красной Армии» и организация Карлоса. ... Вдохновители массового террора надеялись таким образом пробудить революционную сознательность масс, привлечь их на свою сторону с помощью известного механизма «провокация – революция». — *Жиль Кепель. Джихад. Экспансия и закат исламизма.* — Москва, 2004. — Стр.9.

ского и иных конфликтов, в которых сталкиваются исламские и не-исламские силы, не устраивает верхушку соответствующих исламских террористических организаций. В частности, в случае своего создания палестинское государство неизбежно окажется на периферии ближневосточной политики. Интерес к нему будет потерян не только и лидеров крупнейших мировых держав, но и у окрестных арабских государств. Прекратится поток финансовых вливаний от Евросоюза, нефтедобывающих государств и разнообразных исламских фондов. Руководящим кликам палестинских террористических групп просто не будет места в государстве, которое по экономическим причинам будет вынуждено сотрудничать с Израилем.

В целом же, «ситуативная» концепция справедлива в том плане, что факторы, на которые она ссылается, действительно стимулировали, а некоторые стимулируют сих пор исламистский терроризм. Однако она не объясняет широкое распространение исламских экстремистских и террористических движений в регионах, не затронутых арабо-израильским или иными упомянутыми конфликтами, например, в Юго-Восточной Азии. Учитывая это, многие авторы добавляют к перечисленным факторам ситуативного порядка структурные факторы, прежде всего, социально-экономические трудности, характерные для подавляющего большинства мусульманских стран.

Социально-экономические факторы исламского терроризма

В большинстве своем страны мусульманского ареала находятся в сложном экономическом положении, оказались не в состоянии преодолеть бедность и растущее отставание от передовых государств Запада. В среднем, по данным Всемирного банка, доход на душу населения в мусульманском мире равен 3 700 долларов в год, тогда как в развитых странах он достигает примерно 27 450 долларов в год⁸⁴. Положение серьезно осложняется демографической структурой мусульманских стран. Примерно 50 процентов жителей арабских стран, 54 процента иранцев и 52 процента пакистанцев моложе 20 лет. Около двух третей населения Саудовской Аравии моложе 25 лет. Эта ситуация сложилась в 1970-е годы и сохранится в обозримом будущем. Так, к 2025 году численность молодых людей в странах так называемого «Большого Ближнего Востока» в возрасте до 14 лет удвоится⁸⁵.

В результате, демографическое давление на экономику становится источником обостряющегося социально-политического кризиса. Оно, в частности, самым серьезным образом осложняет проблему занятости, которая и без того является в мусульманских странах, в том числе некоторых нефтедобывающих государствах, весьма тяжелой. По

⁸⁴ Husain Haqqani «Why Muslims always blame the West». — «International Herald Tribune». — Saturday-Sunday. — October 16-17, 2004. — P. 6.

⁸⁵ Alan Richards «Socio-Economic Roots of Radicalism? Towards Explaining the Appeal of Islamic Radicals». — July 2003. — Strategic Studies Institute. — P. 8.

оценкам западных экспертов, темпы роста численности рабочей силы в этой зоне останутся в ближайшие десятилетия в 4 раза более высокими, чем в США, и в 8 раз более высокими, чем в Европе⁸⁶. Между тем, уровень безработицы в конце прошлого — начале нынешнего века в мусульманских странах был и без того намного выше, чем в развитых странах: он колебался от 12-15 процентов до 35 процентов.

Естественным и во многом неизбежным итогом этих процессов являются массовая нищета и социальная дискриминация, накопление в городах маргинальных слоев. Все это не может не порождать озлобленность и другие негативные эмоции, способствующие широкому распространению экстремистских настроений и взглядов, являющихся, в свою очередь, питательной средой террористических движений и группировок. При этом рост грамотности и внедрение современных средств массовых коммуникаций способствуют тому, что дискриминированные массы, особенно молодые группы, намного острее, чем предшествующие поколения, осознают свое ущемленное положение и, соответственно, склонны к выражению протеста всеми доступными им средствами.

Важно также, что социально-экономические трудности, характерные для исламского мира, порождают там разочарование в пришедших извне концепциях: национализме, либерализме и левых взглядах, как стратегических доктринах развития, позволяющих преодолеть отставание от западных обществ. Подобные умонастроения, естественно, стимулируют, с одной стороны, обращение к традиционным идеям и ценностям, а с другой — антизападные и антимодернистские настроения. Возникает искушение объяснить неудачи и провалы социально-экономического развития попытками реализовать в исламском мире чуждые и даже враждебные ему идеи, идущие из христианского мира.

При таком понимании причин, порождающих исламский терроризм, последний представляется явлением долгосрочного порядка, поскольку нет оснований предполагать, что нищета и социальная несправедливость в мусульманских странах могут быть преодолены в течение относительно короткого промежутка времени, даже при условии серьезного увеличения экономической помощи и иных ресурсов, выделяемых на цели развития.

Безработица и нищета, бесспорно, способствуют росту экстремизма и террористических движений в исламских странах. Однако сами по себе они не могут объяснить его подъем в конце XX — начале XXI века. На планете имеется немало стран и регионов, не входящих в исламский ареал, в которых социально-экономическое положение масс не лучше, а может быть и хуже, чем в большинстве мусульманских государств. Тем не менее, в этих регионах нет проявлений терроризма, а вспышки насилия там, где они происходят, носят традици-

онный характер. Так, большинство государств Африки южнее Сахары, относятся к наиболее бедным странам мира, многие из них попадают в категорию «несостоятельных» государств (failed states). Однако в этих странах практически нет терроризма, а характерные для них гражданские войны и вооруженные конфликты являются, по сути дела, этническими и племенными столкновениями, типичными для этих народов на протяжении всей истории их существования. В России имеется несколько зон, в которых уровень жизни такой же, или даже ниже, чем на Северном Кавказе. Однако террористическая активность в нашей стране сопряжена именно с Северным Кавказом, для которого характерна не столько бедность, сколько большие массы трудоизбыточного населения и нехватка земли, в сочетании с широким распространением экстремистских исламских настроений и движений⁸⁷.

Кроме того, активисты, идеологи и лидеры исламских экстремистских и террористических движений в массе своей ни по социальному происхождению, ни по имущественному положению, ни по образовательному уровню никак не относятся к дискриминированным социальным слоям. Последние, как показывает, например, опыт палестинского или чеченского терроризма, являются «резервуаром» рекрутирования рядовых членов террористических группировок, в том числе террористов-самоубийц, но из них крайне редко выходят представители высшего слоя экстремистского направления в современном политизированном исламе. Наконец, нищета и социальная несправедливость не объясняют распространение экстремистских взглядов и настроений среди части элитных кругов мусульманских стран.

Исламский терроризм как реакция традиционных слоев на модернизацию

Таким образом, есть основания предполагать, что нынешний подъем исламского терроризма является результатом не только тяжелого социально-экономического положения, но и некоторых других долговременных факторов, в том числе культурного плана. Многие эксперты полагают, что рост экстремистских настроений в исламском мире связан с реакцией традиционных слоев на незавершенную мо-

⁸⁷ Член-корреспондент РАН Валерий Тишков справедливо отмечает: «Сегодня распространено мнение, что корни насилия, включая терроризм, надо искать в низком уровне жизни населения и в депрессивности экономики того или иного региона. ... Это один из мифов обществоведческой экспертизы, который имеет серьезные политические последствия. ... Следует развести два понятия. Одно дело — недостаточный уровень развития и слабая занятость населения, что действительно есть и всегда было на Северном Кавказе с его скромными природными ресурсами и трудоизбыточным населением. Другое дело — бедность, которой на Северном Кавказе несколько не больше, чем в большинстве других регионов страны, и, уж конечно, меньше, чем в центральных российских областях и в южносибирских автономиях (Тува, Алтай, Хакасия). ... Необходимо смотреть такие показатели, как размеры и качество жилья, владение автомобилями, число студентов вузов и прочее. И тогда получится, что Северный Кавказ — вовсе не зона бедности». — *Валерий Тишков. Кризис понимания России // Эксперт. — 2005. — № 13. — 4-10 апреля. — С. 87-88.*

дернизацию и глобализацию, приводящей, в конечном итоге, к противостоянию традиционной и «постмодернистской» или «постиндустриальной» цивилизаций⁸⁸.

Незавершенная модернизация традиционных обществ порождает спектр сложнейших социальных и психологических последствий, в том числе нередко выливается в рост социальной дезориентации, неудовлетворенности, раздражения и агрессивности, охватывающих как маргинальные, так и элитные группы. Это, в свою очередь, создают благоприятные психологические и политические условия для возникновения экстремистских настроений, перерастающих в террористические устремления.

Исламские государства попали в своеобразную социальную ловушку. Они оказались втянуты в процессы модернизации и глобализации, но, по сути дела, не готовы к ним. В итоге, в их обществах возникли многочисленные фрустрации, конфликты и очаги напряженности. Включение в глобальные процессы и структуры, сопутствующие этому информационная и научно-техническая революция, ускоряющаяся под воздействием этого модернизация общества неизбежно приводят к эрозии и разрушению традиционных групп, свойственных им норм, идеологий и ценностей. Внедрение в экономику и общественную жизнь современных технологий и институтов приводит к маргинализации крупных социальных слоев, занятых в традиционных секторах производства и распределения, в том числе крестьянства, ремесленников, торговцев и так далее. Разорение этих групп усугубляет негативные последствия демографического роста, способствует, помимо всего прочего, нарастанию и концентрации в мегаполисах крупных масс безработного или частично занятого населения, перебивающегося случайными заработками. Демографическая структура исламских обществ приводит к тому, что маргинализированные массы состоят главным образом из молодых возрастных групп, охотно впитывающих в себя экстремистские взгляды и настроения. Они становятся легким объектом для манипуляций со стороны части традиционных элит, воспринимающих модернизацию и глобализацию как угрозу своему статусу и своим экономическим интересам.

Суть в том, что модернизация подрывает позиции не только тех групп, что находятся на нижних этажах традиционного общества, но

⁸⁸ На это, в частности, обращали внимание российские специалисты Э. Паин и Л. Дробижева, которые писали: «Исторические примеры показывают, что в замкнутых, застойных обществах, например, у бушменов Южной Африки или у индейцев майя в Мексике, находящихся на крайне низких уровнях экономического и социального развития, ничего похожего на политический экстремизм, а тем более терроризм, не проявляется. Эти явления заметны в обществах, вступивших на путь трансформаций, и концентрируются в маргинальных слоях социума, характеризующихся причудливым сочетанием традиционных и новых черт культуры, неполным изменением статуса и условий жизни, и в современных постмодернизированных обществах с выраженной поляризацией населения по этносоциальному признаку». — Л.М. Дробижева, Э.А. Паин *О социальных предпосылках терроризма*. — В: *Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы* / Отв. ред. В.В. Витюк и Э.А. Паин. — РАН. — Институт социологии. — Москва, 2003. — С.42-43.

и определенной части элитных слоев и, особенно, мусульманского духовенства, которые по тем или иным обстоятельствам не могут или не хотят трансформироваться и адаптироваться к происходящим изменениям. Эрозия этих сегментов традиционного общества сопровождается падением их социального статуса, ухудшением экономического положения. Появляется перспектива потери исторически сложившихся привилегий и влияния. Возникает трудная задача совмещения исламских представлений с новыми социально-экономическими условиями, порожденными модернизацией и включением в глобальные процессы и институты.

Наряду с этим, модернизация приводит к образованию социальных групп, сопряженных с современным сектором экономики и общественной жизни в целом. В итоге, общество расслаивается на тех, кто способен адаптироваться к модернизации и глобализации, и тех, кто не может этого сделать. Это не может не порождать конфликт интересов и ценностей в недрах мусульманского мира, который в ряде случаев перерастает в политические столкновения.

Такого рода процессы начались уже давно. Неслучайно, один из ведущих идеологов левого терроризма Франц Фанон придавал важное значение разрушению традиционных, в том числе этнических культур и ценностей под давлением западной культуры в процессе колонизации⁸⁹. Обращение к традиционным ценностям, считал он, может стать идеологической основой антиколониальной и антиимпериалистической борьбы, спланивая как маргинальные, так и элитные группы. Эта схема в известной мере справедлива. Дегра-дация традиционных слоев происходит под напором перемен, источники которых чаще всего находятся вне соответствующих стран, главным образом, в той части мира, которая, объединяя развитые государства, является «ядром глобализации». В силу этого сопротивление модернизации приводит к росту антизападных настроений. При этом, как отмечает ведущий российский специалист по ближневосточным проблемам Евгений Сатановский, антимодернизационная и антиглобализационная стратегия предполагает не изоляцию от внешнего по отношению к исламскому ареалу мира, но воздействие на этот мир с целью его переустройства на принципах, приемлемых для консервативных кругов ислама⁹⁰.

⁸⁹ См.: F. Fanon «*The Wretched of the Earth*». — New York. — Grove Press. — 1982.

⁹⁰ Евгений Сатановский пишет: «Историческое ядро исламского мира, образованное в ходе распространения халифата в первых веках Хиджры, является носителем как наиболее консервативных элементов исламской теологии, включая теорию джихада, так и наиболее развитых ее элементов, в том числе исламской модернизации. ... историческое ядро исламского мира, на протяжении нескольких веков бывшее в подчиненном состоянии по отношению к исламской периферии и европейским колониальным державам, находится в состоянии глобального политического, идеологического и экономического кризиса. Реакцией на кризис является углубленная самооценка, пересмотр внутренних отношений и системы связей с окружающим миром, включая создание системы воздействия на внешний мир и его перестройку по схемам, приемлемым для наиболее консервативной части исторического ядра». — Евгений Сатановский. *Мир после иракской войны // Ядерный контроль*. — 2003. — № 3. — С. 91.

В сложившихся условиях у части верхушки традиционных обществ, переживающих процессы форсированных модернизаций, возникает двойная потребность. С одной стороны, необходимо найти пути и способы сохранения собственного привилегированного положения. С другой — важно направить накапливающееся раздражение масс вовне. И та, и другая задача решаются, если нацелить недовольство дискриминированных слоев на те страны и регионы, которые либо являются символом и источником перемен (прежде всего США), либо по иным причинам вызывающие недовольство и даже ненависть значительной части местного населения. К ним относятся Израиль и все чаще Россия, имидж которой в исламском мире испорчен войнами в Афганистане и Чечне. Такая стратегия нередко оказывается удачной. Мифологизированное сознание всегда склонно искать причины собственного неблагополучия в действиях внешних «злых сил». Необходимо учитывать и другие особенности традиционного восприятия мира. Так, его носители придают особое значение военной победе над врагом, но не совершенствованию собственного общества⁹¹.

В итоге, противодействие переменам во имя сохранения традиционных культур и институтов приводит не только к противоборству с либеральным, антропоцентрическим видением мира, но, что особенно важно, к идее политического противостояния, даже «смертельной войны» с Западом. Об этом не раз заявляли некоторые лидеры исламских государств и движений⁹².

⁹¹ Бывший советник пакистанского премьер-министра, а ныне — сотрудник Фонда Карнеги за международный мир Хусейн Хаккани пишет: «Мусульмане в целом подвержены пропаганде, зачастую имеющей государственную поддержку. Эта пропаганда обычно акцентирует внимание на унижениях, которым подвергаются мусульмане со стороны других, вместо того, чтобы признать пороки мусульманских лидеров и обществ. Акцент на внешних врагах побуждает мусульман восхищаться силой, а не идеями. Воины, а не ученые или изобретатели являются обычно героями в глазах простых людей. В рамках этого примитивного восприятия «мы против них» и Мушшараф, и бин Ладен являются воинами, сражающимися против внешних врагов. ...Национальная гордость в мусульманском мире связана не с экономической производительностью, технологическими инновациями или интеллектуальными достижениями, но с риторикой относительно «уничтожения врага» и «обеспечение неуязвимости нации». — Husain Haqqani «Why Muslims always blame the West». — *«International Herald Tribune»*. — Saturday-Sunday. — October 16-17, 2004. — P. 6.

⁹² Так, считающийся умеренным нынешний президент Ирана Мохаммад Хатами писал: «Политический лозунг Запада говорит о защите свободы, прав человека, демократии и национальных государств. Наша война с Западом в этой сфере — это вопрос жизни и смерти. И любой компромисс, любая уступка с нашей стороны ... не принесет нам иного результата, кроме как угнетения, бесчестия, и потери нашей индивидуальности и славы». В «смертельной войне» с Западом, о которой говорит президент Ирана, ставка делается на дезориентированные и индоктринированные массы «угнетенных народов мира». Мохаммад Хатами и в этом случае предельно откровенен: «... Стремление к идеалам и взрывоопасная сила, скрытая в сердцах угнетенных народов мира, составляют опору нашей революции. Если мы правильно осознаем и используем их, то сможем противостоять нашим врагам, несмотря на их технологическую, экономическую, военную и политическую мощь, но только с тем условием, если действительно, эти стремящиеся к исламским идеалам силы будут нашей опорой. ... Исламская Республика Иран должна верить в то, что опорой ее власти служат эти угнетенные люди, стремящиеся к идеалам и готовые принести себя в жертву становлению системы ценностей и идеологии ислама». — Сейед Мохаммад Хатами. *Страх перед бурей*. — Москва, 2001. — С. 114-115, 88.

Ислам и исламизм как факторы современного терроризма

Весьма важным и, одновременно, политически крайне деликатным является вопрос о роли ислама и возникающего на его основе мировосприятия в появлении и распространении экстремистских антизападных, а точнее — антимодернизационных настроений. Немало исследователей и политических деятелей пытаются избежать анализа этой проблемы, опасаясь вызвать рост антимусульманских настроений и исламофобии. Но ответить на вопрос: почему к регионам, пораженным экстремизмом и терроризмом, относится главным образом зона мусульманского мира, где сегодня сформировались наиболее опасные террористические группировки, провозгласившие своей целью борьбу с западной цивилизацией, необходимо.

Российские исследователи иногда отмечают, что в исламе и исламском типе культуры есть нечто, несовместимое с глобализацией и неизбежно сопутствующими ей либеральными ценностями⁹³. Возможно, это — несколько упрощенное видение исключительно сложной проблемы. Нельзя, однако, не учитывать тот общеизвестный факт, что ислам является не только религиозной доктриной, но также включает в себя идеологическую, нормативную и ценностную системы, в том числе определяющие политические установки и регулирующие политическое поведение.

Кроме того, ислам, по крайней мере, в его классическом варианте предполагает, что политика должна вытекать из положений Корана и деятельности пророка Мухаммеда⁹⁴. При этом, для ислама, в том виде, в каком он сложился на рубеже первого и второго тысячелетий нашей эры, чужды и неприемлемы идеи, ставшие концептуальной основой европейского модерна, социального и технического

⁹³ Известный российский исследователь Сергей Филатов пишет: «Создается впечатление, что стоит глобализации задеть какие-то корневые, глубинные стороны жизни мусульманских обществ, как в них закипает реакция отторжения, заложенная в самом генетическом коде их культуры. Чуть ли не единственным исключением вне стран, входивших ранее в СССР, является Турция, хотя и ее судьба, наверное еще окончательно не определена. Общественное мнение стран Запада отказывается признать ислам основным препятствием экспансии глобализации в страны мусульманской культуры, указывая на социально-экономические причины. Однако аналогичные социально-экономические условия в немусульманских странах не приводят к столь болезненной реакции на глобализацию. Вывод может быть только один: в существе мусульманского сознания и мусульманской религиозности есть нечто принципиально противоречащее глобализации, утверждаемым ею ценностям и институтам». — *Сергей Филатов. Религиозная жизнь Евразии: реакция на глобализацию. В: Религия и глобализация на просторах Евразии / Под редакцией А. Малашенко и С. Филатова. — Москва, 2005. — С. 17-18.*

⁹⁴ Так, российский специалист Николай Жданов ясно определяет эту особенность ислама. Он пишет: «Исламская концепция политики исходит из того, что вся власть принадлежит Аллаху и любой. Кому даны полномочия заниматься делами людей или сообщества, не является их правителем, поскольку единственным правителем человечества является Аллах, а законодательная активность, поскольку она делегирована верующим должна осуществляться так же, как и вера, в соответствии с положениями Корана и практикой пророка». — *Н.В. Жданов. Исламская концепция миропорядка. — Москва, 2003. — С. 23.*

прогресса. Среди них, в частности, весь комплекс представлений о демократии и гражданском обществе как основе современной политической системы⁹⁵.

Однако попытка выстроить политическую стратегию как внутри, так и вне страны на основе взглядов и концепций, выработанных в раннем средневековье, заведомо бесперспективна. Реальный миропорядок уже несколько столетий коренным образом отличается от того, который существовал в период создания Корана и деятельности Мухаммеда. Это создает исключительно сложную для мусульманского мира проблему адаптации ислама к современным реалиям. Возникающие трудности догматического и концептуального плана усугубляются тем, что ислам, особенно в его классической форме, в полной мере соответствует интеллектуальным запросам и эмоциональным настроениям тех кругов и групп в исламских (и, как свидетельствует развитие событий в некоторых странах, не только в исламских) государствах, которые видят в модернизации угрозу собственным социальным позициям и интересам⁹⁶.

Важно и другое. В исламе, как в любой религиозной или светской идеологической системе, принципиальную роль играет проблема отношений с иноверцами. Один из имеющихся ответов, по сути дела, заключается в признании возможности «мирного сосуществования» с представителями иной религии или догмы. Другой — предполагает «священную войну» во имя утверждения собственной веры, как единственно правильного пути к спасению. Эта концептуальная дилемма в полной мере характерна для марксизма. Аналогом «священной войны» с неверными была — а кое-где остается и до сих пор — стратегия и тактика мировой революции. Ее антиподом была идея «мирного сосуществования», предполагавшая отказ от силового противоборства с носителями «буржуазной идеологии». Религиозная нетерпимость была характерна и для христианства. Достаточно вспомнить о крестовых походах, религиозных войнах и католической инквизиции в Западной Европе, жестоком преследовании раскольников и сектантов в православной России. Для изживания этой нетерпимости и религиозной агрессивности христианству потребовалось несколько столетий.

⁹⁵ Видный исследователь арабского мира Эли Кедури подчеркивал, например, «Идеи представительной власти, выборов, всеобщего избирательного права, а также политических институтов, чья деятельность направляется законами, принятыми парламентской ассамблеей, мысли о том, что такие законы должна охранять поддерживающая независимая судебная власть, а также, что государство должно быть светским, — все они глубоко чужды мусульманской политической традиции». — *Цит. по: Фарид Закария. Демократия по Джефферсону на Ближнем Востоке исключена // Независимая газета — Дипкурьер. — 2004. — 11 октября. — С. 15.*

⁹⁶ Бывший вице-президент американского Национального совета по разведке Г. Фуллер писал: «Ислам и исламистские движения сегодня становятся главным источником коллективной идентичности для тех, кто крепит единство в противостоянии наступлению западной культуры. ... Отождествление себя с умой, международным исламским сообществом привлекательно тем, что оно создает новые связи солидарности, которые можно превратить в международную силу». — *G.E. Fuller «The Future of Political Islam». // Foreign Affairs, 2002. — N 2. — P.55.*

В исламе, как и в других идеологиях, есть различные ответы на вопрос об отношении с иноверцами. В свете этого важно, что принципиальную роль в исламе играет концепция «джихада». И среди исламских теоретиков, и среди специалистов исламоведов имеются различные представления относительно содержания «джихада». Одни из них разделяют два понятия — «великого джихада», под которым понимается самоусовершенствование мусульманина, и «малого джихада», под которым понимается ведение вооруженной борьбы с неверными. Другие трактуют «джихад» только как насильственное распространение ислама, в том числе путем ведения «священной войны». Эта трактовка джихада, по сути дела, является идеологической основой исламского экстремизма и терроризма. При этом и те, и другие ссылаются на соответствующие положения Корана и хадисы пророка Мухаммеда ⁹⁷.

Нельзя не заметить, что хотя в так называемом кораническом варианте ислама присутствует идея «мирного сосуществования» с иноверцами, в нем все же доминирует конфронтационный подход к отношениям с неисламским миром и прозелитские настроения. Зона мирного сосуществования — или «земли мира» — представляет собой временное геополитическое образование, где мусульмане ведут активную пропагандистскую деятельность.

Таблица 9

Коранические представления об отношениях с иноверцами⁹⁸

<p>Мир ислама (дар-уль-ислам) Страны, признающие ислам государственной религией, в которых установлена исламская форма правления</p>	<p>Защита «мира ислама» является священной обязанностью каждого мусульманина. Немусульмане могут проживать в этой зоне, если они являются приверженцами авраамических религий, но им запрещено занимать административные должности, они обязаны платить специальный налог</p>
<p>Мир войны (дар-уль-харб) Страны, где ислам не занимает господствующих позиций, где политическая и правовая практика основана не на шариате</p>	<p>Отношения «мира ислама» и «мира войны» враждебны. Страны «мира войны» представляют собой реальную военную и политическую угрозу исламскому миру, причем эта угроза вытекает из религиозных различий</p>
<p>Земля мира (дар-уль-сульх) Страны «мира войны», с которыми заключено временное перемирие</p>	<p>Основой перемирия является разрешение мусульманам распространять ислам мирным путем. Мусульмане, в свою очередь, не должны и не могут брать на себя аналогичные обязательства в отношении немусульман, проживающих в «мире ислама»</p>

⁹⁷ Согласно исламу, божественное откровение заключено в так называемой Сунне Божьего Посланника, состоящей из Корана и хадисов, то есть действий и высказываний пророка Мухаммеда. Сунна формировалась в течение всего периода деятельности Мухаммеда как создателя ислама и, соответственно, в ней содержатся положения, отражающие различные этапы этой деятельности и различные обстоятельства, в которых находился он и его последователи. В частности, выделяется начальный период, во время которого Мухаммед был не готов идти на прямую конфронтацию с иноверцами, наоборот, стремился к заключению тактических союзов с теми или иными их группами.

⁹⁸ Источники: *Н.В. Жданов. Исламская концепция миропорядка. — Москва, 2003. — С. 30-31; А. Dell Valle «Islamisme et Etats-Unis: Une alliance contre l'Europe». — 1999. — Pp. 58-60.*

Однако для анализа и прогнозирования перспектив исламского терроризма важно, что его концептуальной основой является то крыло ислама, которое многие исследователи называют экстремистским, радикальным, фундаменталистским или ваххабитским, тогда как сами последователи этого направления называют «салафитским». Для него характерны попытка возвращения к исходным положениям ислама, «не испорченным» последующими трактовками и интерпретациями, а также идея непримиримой «священной войны» с неверными, к которым они относят как мусульман, не разделяющих взглядов салафитов, так и иноверцев⁹⁹.

Салафитское течение занимает видное и все более важное место в современном исламском мире. По подсчетам ведущего российского исламоведа Александра Игнатенко, в начале XXI века насчитывалось около 500 экстремистских организаций этого толка¹⁰⁰.

Некоторые исследователи считают «радикальный» вариант ислама примитивным, рассчитанным на малограмотные массы, тогда как «умеренный» ислам представляет собой глубокую и конструктивную религиозно-философскую и нормативную систему, терпимую к иной религии или ее отсутствию. Такое противопоставление вряд ли справедливо. Салафизм является не менее изощренной интерпретацией ислама, чем его «умеренное» направление. Другое дело, что «умеренный» ислам оказался в глазах значительной части населения мусульманских стран неспособным предотвратить размывание традиционного общества под воздействием новых экономических моделей и социальных идей.

Кроме того, «радикальный ислам», в отличие от «умеренного», действительно предлагает решения, доступные пониманию малообразованных масс. Суть их в том, что деструктивные процессы в исламском мире являются результатом невыполнения верующими, в том числе лидерами многих государств, заветов пророка Мухаммеда под воздействием «вредных» идей, идущих с Запада, и политики развитых государств. Такой подход ясно обозначает врага, ответственного за переживаемые народом трудности и намечает путь их преодоления — «священную войну» во имя утверждения истинных ценностей. Наконец, ислам, причем не только «салафитского» направления, предполагает, что «шахид», человек, пожертвовавший своей жизнью в битве с неверными, немедленно вознаграждается на небесах.

Все это свидетельствует, что особенности радикального варианта ислама совпали сегодня с потребностями экстремистских по-

⁹⁹ Ведущий российский исламовед Александр Игнатенко пишет: «Салафитские группировки, во-первых, трактуют джихад в первую очередь как вооруженную борьбу, во-вторых, вменяют в обязанность каждому мусульманину (естественно, физически и умственно способному к этому) ведение джихада, в-третьих, объектом джихада определяются кяфиры. Но поскольку кяфирами — неверными — объявляются все, кто не согласен с салафитами, то этот джихад ведется в первую очередь против мусульман, в частности, против тех, кто не согласен с салафитской трактовкой джихада». — Александр Игнатенко. *Ислам и политика*. — *Институт религии и политики*, 2004. — С. 29.

¹⁰⁰ Александр Игнатенко. *Ислам и политика*. — *Институт религии и политики*, 2004. — С. 221.

литических движений. Конечно, рано или, скорее, поздно радикальный ислам может исчерпать свой мобилизационный потенциал. Но в этом случае нельзя исключать появления новых или возрождения старых тоталитарных идеологий, в том числе марксистских, способных стать основой очередного ренессанса экстремистских движений.

Радикальные салафистские взгляды оказываются востребованными террористическими движениями. Как и экстремистские политические движения вообще, терроризм невозможен без основательного и агрессивного идеологического фундамента. Последний необходим, чтобы оправдать и обосновать самопожертвование, убийства мирного населения, массовые репрессии и тому подобное. Требуется «сверхцель» более важная, чем жизнь, интересы и ценности конкретного человека, во имя достижения которой допустимо и даже необходимо насилие, переходящее в геноцид. Такая «сверхцель» присутствует в радикальном варианте ислама. Это — джихад, «священная война» во имя утверждения истинного ислама не только собственно в исторической зоне его распространения, но и в большинстве государств, где в настоящее время имеется сколько-нибудь значимая мусульманская диаспора.

Салафизм таким образом выполняет несколько политических функций. Во-первых, это — идеологическая основа антимодернистской линии, реализующей интересы традиционных групп, в том числе их верхушечной прослойки, включая значительную часть исламского духовенства. Во-вторых, это — идеология социального протеста, распространяющаяся в дискриминированных массах. В-третьих, это фактор мобилизации сторонников террористических организаций и движений, обеспечивающий им необходимую мотивацию.

Бросается в глаза, что радикальный ислам привлекает к себе не только так называемых «этнических мусульман», но и коренных жителей европейских стран. В частности, согласно данным французских служб безопасности, количество коренных французов, обращенных в ислам, составило от 30 до 50 тысяч человек. При этом в Европе процесс обращения в мусульманство ускорился после 11 сентября 2001 года¹⁰¹. И хотя, по мнению экспертов, лишь небольшая часть новообращенных мусульман-европейцев склонна к террористической деятельности, рост их числа вызывает беспокойство у европейских специальных служб¹⁰².

¹⁰¹ Craig S. Smith «Radical Islam is finding new converts in the West». // *International Herald Tribune*. — July 20, 2004. — P1.

¹⁰² Газета «International Herald Tribune» излагает выводы доклада французских служб безопасности «Обращение в ислам психически неустойчивых личностей несомненно ведет к опасности привлечения их к терроризму. ... Радикальные группы вербуют новообращенных, потому что последним легче пересекать границы или служить прикрытием при снятии помещений или обеспечении другого материально-технического обеспечения» — Craig S. Smith «Radical Islam is finding new converts in the West». // *International Herald Tribune*. — July 20, 2004. — P1.

Выводы

Для большей части мусульманского мира характерны нарастающие бедности, нищеты, безработицы, накопление в мегаполисах обездоленных масс населения, преимущественно молодых возрастов. Распад традиционных групп под воздействием необратимой модернизации, усиливает социальные трудности и увеличивает численность дискриминированных слоев. Модернизация болезненно сказывается на положении части традиционных элит, особенно мусульманского духовенства, которые теряют статус и влияние. В итоге, в мусульманском мире растет сопротивление модернизации, которое выливается в антизападные настроения и действия. Идеологической основой антимодернизационной и антизападной линии является радикальный фундаменталистский вариант ислама (салафизм). Его особенность в том, что он предлагает в качестве средства преодоления нарастающих социально-экономических и политических проблем агрессивную стратегию действий в отношении развитых стран. Все это приводит к нарастанию терроризма, который, наряду с попытками обрести оружие массового уничтожения, является важнейшим доступным радикальным исламским силам и режимам средством «ассиметричной» священной войны во имя утверждения своих норм и ценностей в глобальном масштабе.

Некоторые проблемы противодействия терроризму

Нарастание исламского терроризма все более остро ставит задачу борьбы с ним. Она включает в себя решение нескольких групп проблем, каждая из которых имеет свою специфику и требует адекватных методов и подходов.

В самом широком плане ликвидация нынешней волны исламского терроризма предполагает устранение порождающих ее глубоких экономических и социокультурных причин. По сути дела, это сводится к преодолению бедности и завершению модернизации традиционных или переходных обществ и их успешной адаптации к глобализации. Однако это длительный процесс, перспективы которого пока просматриваются недостаточно ясно, требующий не только крупных материальных ресурсов, но и утверждения в исламском мире новых институциональных и, главное, социально-культурных моделей, что связано со сменой нескольких поколений.

Другое направление предотвращения терроризма – устранение конкретных политических и иных факторов, стимулирующих террористическую активность в данный момент. Речь идет, прежде всего, о разрешении региональных и локальных конфликтов, в которых исламские страны и движения сталкиваются с неисламскими. Теоретически, такой подход также не вызывает сомнений. Однако на практике конфликты, о которых идет речь, делятся десятилетиями,

причем успешных примеров их урегулирования крайне мало. Из недавних, к ним можно отнести, видимо, только разрешение конфликтов в Боснии и Таджикистане.

Вместе с тем, международное сообщество и особенно страны, ставшие жертвами террористической активности исламского толка, не могут ждать, когда будут решены обозначенные только что задачи. В свете этого на первый план выходит необходимость:

- ликвидации боевых террористических групп исламского направления;
- ликвидации инфраструктуры исламского терроризма, в том числе международных сетей финансирования террористических группировок, рекрутирования новых их членов и обеспечения идеологической поддержки;
- максимально надежного предотвращения наиболее опасных террористических проявлений, связанных с использованием оружия массового поражения;
- прекращения практики поддержки терроризма со стороны нескольких государств и квазигосударственных образований.

При этом международный характер исламской террористической активности, выражающийся в образовании транснациональных террористических сетей и в универсалистской идеологии, утверждающей приоритет религиозной идентичности над национальной, означает, что успешная борьба с терроризмом такого типа невозможна без эффективного международного сотрудничества. Возникает необходимость разработки и совершенствования как правовой базы такого сотрудничества, так и его институционального обеспечения и оперативно-тактических приемов. Требуется также найти ответ на ряд вопросов, ставших объектами серьезных концептуальных и политических дебатов. Среди них, в частности, проблема соотношения силовых и политических средств противодействия исламскому терроризму и поддерживающим его государствам.

Соотношение политических и силовых средств борьбы с терроризмом

В последние годы в России, большинстве европейских стран и частично в США широко распространились представления о приоритете политических методов борьбы с исламским терроризмом над силовыми. Многие, особенно в Европе, считают, что линия на военное подавление терроризма может привести к обратным результатам — консолидировать экстремистские силы и расширить их политическую базу. В частности, в Европе зачастую негативно относятся к силовым акциям Израиля, нацеленным на ликвидацию палестинских террористических организаций, требуют политического урегулирования чеченской проблемы, вывода американских войск из Ирака и так далее. При этом, правда, не учитывается, что уход США из Ирака до достижения там относительно устойчивой и надежной ста-

билизации положения, будет означать победу не «освободительного движения», но наиболее опасных и темных экстремистских сил в исламском мире.

В Соединенных Штатах, в свою очередь, широкое распространение, в том числе в правительственных кругах, получило представление о том, что искоренение исламского терроризма требует форсированного утверждения демократической системы в государствах мусульманского ареала. С точки зрения чистой теории такой подход, возможно, справедлив. Но он не учитывает трех обстоятельств:

- В большинстве своем мусульманский мир не готов к подлинной или естественной демократизации, порожденной глубокими потребностями крупных социальных слоев. Доминирующая там идеология в основе своей чужда демократическим идеям и ценностям. В результате, демократизация будет во многом результатом воздействия извне и неизбежно примет имитационный характер.
- Форсированная и стимулированная извне демократизация мусульманских обществ может привести к краху так называемых «умеренных» авторитарных режимов. Последние же в большинстве своем являются союзниками развитых демократий, в том числе поскольку они рассматриваются исламскими радикалами как отступники от идеалов ислама и заветов пророка, представляются «вероотступниками», не менее враждебными делу Аллаха, чем неверные иудеи и христиане.
- Наконец, демократические процедуры могут привести к власти экстремистские исламистские группировки.

Позиция сторонников приоритетности политических методов противодействия терроризму на основе компромисса с ним понятна и не может не вызывать симпатии. Она лежит в общем русле европейского политического мышления, сформировавшегося в XX веке. В частности, после тяжелейших по своим социальным, экономическим и политическим последствиям мировых войн в европейских демократиях появилось тяготение к компромиссу и политическим договоренностям как основному способу разрешения конфликта и предотвращения его перерастания в военные действия. Так, важным элементом политики европейских демократий уже накануне второй мировой войны стала «стратегия умиротворения», признающая компромисс с агрессивными тоталитарными режимами в качестве допустимой меры предотвращения войны. Большое внимание сегодня уделяется «стратегии вовлечения» опасных режимов и движений в международные структуры, институты и усилия. Предполагается, что таким образом можно доказать экстремистским государствам и группировкам, что отказ от агрессивных устремлений и сотрудничество более выгодно, чем конфронтация.

Разумеется, политические методы предотвращения опасных социальных явлений и разрешения конфликтов со всех точек зрения предпочтительней силовых методов. Вопрос, однако, заключается в

том, насколько они эффективны в противоборстве с современными террористическими организациями. Имеющийся опыт, в целом, не дает оснований для оптимистических выводов. Так, израильско-палестинское соглашение от 20 августа 1993 года, подготовленное в ходе секретных переговоров в Осло, считается до сих пор крупным шагом в разрешении палестино-израильского конфликта. Но, как уже отмечалось, именно в результате осуществления положений этого соглашения, а именно — создания Палестинской администрации и передаче под ее контроль сектора Газы и Западного берега Иордана на этих территориях возник мощный террористический анклав¹⁰³.

Смерь Ясира Арафата и приход к руководству Палестинской администрации «умеренного крыла» палестинского истеблишмента создал определенные возможности для политического урегулирования палестино-израильского конфликта. Однако «непримиримые» политические силы в Палестине не исчезли. Они ориентированы и будут ориентированы на продолжение террора, рассматривая его как единственно доступный инструмент давления на Израиль и на мировое общественное мнение. В известной мере эти круги мотивированы идеологическими лозунгами о «борьбе за освобождение оккупированных территорий», ликвидации «сионистского государства» и тому подобное.

Но гораздо более важную роль, чем такого рода заклинания, играют финансовые вливания исламских государств (прежде всего Саудовской Аравии, эмиратов Персидского залива, Сирии, а также Ирана), которые по своим собственным соображениям заинтересованы в сохранении очага напряженности на Ближнем Востоке. Причины, побуждающие их к этому, отнюдь не сводятся только к идеологическим установкам, хотя и они играют свою роль. Непримируемая борьба с Израилем, пусть и бесперспективная с военной точки зрения, позволяет правящим кругам этих государств канализировать вовне недовольство и раздражение масс, в известной мере нейтрализуется влияние радикальных исламистских кругов. Возникает иллюзия некоего общеарабского дела, о котором любят поговорить на Ближнем Востоке, но которого нет и никогда не было.

Но главное в том, что пока не просматривается даже самого общего подхода к решению принципиальных проблем палестино-израильского урегулирования: беженцы, Восточный Иерусалим, границы и поселения. Сохраняется также стремление исламских радикалов как в Палестине, так и вне ее сохранить этот конфликт как один из элементов всемирного джихада во имя установления нового халифата. Иными словами, политическое решение палестино-израиль-

¹⁰³ Часто встречающийся в средствах массовой информации термин Палестинская национальная автономия или Палестинская автономия не имеет какого-либо международно-правового смысла. Соглашение, подготовленное в Осло в 1993 году, предусматривало создание Палестинской национальной администрации или, как указано в оригинале, Palestine National Authority. Ее компетенция — выполнение ряда управленческих функций на территориях с преимущественно арабским населением на Западном берегу и в секторе Газа.

кого конфликта пока остается скорее теоретической, чем практической возможностью, а, следовательно, нет оснований ожидать прекращения палестинского терроризма.

К во многом аналогичным выводам приводит анализ ситуации в Чечне. В результате заключения в 1996 году так называемого Хасавюртовского мира и последовавшего за ним вывода российских войск там образовалась своего рода тыловая база террористических группировок и движений. Ограниченность местных ресурсов и средств, поступающих из федерального центра, а также идеологическое и финансовое влияние зарубежных исламистских центров привели к тому, что лидеры чеченских сепаратистских и террористических кланов и группировок взяли курс на военно-идеологическую экспансию с целью создания исламского государства на всей территории Северного Кавказа. Это, в свою очередь, привело ко второй чеченской войне.

Итогом этой войны, продолжающейся к середине 2005 года в течение практически пяти лет, стал военно-политический тупик. Ставка на «промосковские» группы и кланы не привела к стабилизации положения. Но ни федеральные силы и поддерживающая их часть чеченского истеблишмента, ни террористические группировки не способны достичь своих целей. Такая ситуация может продолжаться неопределенно долго. Это, естественно, ставит вопрос о перспективах политического решения конфликта путем переговоров. Для российского руководства подобный вариант является неприемлемым. Аргумент, обычно используемый для обоснования отказа от переговоров, состоит в том, что и по моральным, и по политическим соображениям вступать в переговоры с террористами невозможно. В частности, это будет служить доказательством того, что террористические акции являются эффективным инструментом давления на Москву. В основе своей такая аргументация справедлива. Мировой опыт показывает, что с лидерами террористических организаций нередко вступали в переговоры и заключали соглашения. Однако в большинстве своем такие договоренности фиксировали успехи террористических группировок и легитимизировали их руководящие клики.

Но важно и другое. Единственно приемлемым для чеченского террористического сообщества вариантом урегулирования конфликта является вывод российских войск из Чечни. Если такой вариант будет реализован, то дальнейшее развитие событий выглядит вполне предсказуемым:

- в течение нескольких месяцев реальная власть в Чечне окажется в руках лидеров террористических группировок;
- последние скорее рано, чем поздно, перейдут к широкомасштабной военной, политической и идеологической экспансии в регионе;
- эта экспансия будет поддержана радикальными исламскими движениями и группировками в других, помимо Чечни, районах Северного Кавказа за исключением Северной Осетии.

Растущему влиянию исламистов на Северном Кавказе способствует несколько факторов. Среди них, в частности, высокие уровни безработицы и коррупции в регионе, а также сужающиеся возможности идеологического противодействия радикальным и экстремистским вариантам ислама в регионе в результате отсутствия более или менее привлекательной светской идеологии. Российский «патриотизм», все более ориентирующийся на православную риторику, абсолютно не подходит для Северного Кавказа. Снижается интеллектуально-эмоциональная привлекательность официального или традиционного ислама, в том числе в результате сращивания исламского духовенства с традиционными элитами региона.

Исламистская экспансия поставит Москву перед сложным выбором: либо Северный Кавказ переходит постепенно под фактический контроль исламистских группировок, либо театр военных действий будет расширяться, охватывая один район за другим. Но, учитывая итоги двух войн в Чечне, нет оснований предполагать, что более масштабная война на Северном Кавказе будет для России более успешной. В конечном итоге, Россия может оказаться перед перспективой ухода со всего Северного Кавказа, в котором в таком случае возникнет мощный очаг исламского экстремизма и терроризма, сопоставимый с Афганистаном во время правления режима талибов.

Но дело не только в особенностях той или иной конкретной политической и военной ситуации в зонах, где сталкиваются исламские и неисламские силы. Не менее важным является принципиальное различие политических культур, свойственных развитым демократиям и агрессивным движениям и режимам, мотивированным экстремистскими идеологиями тоталитарного типа. Сторонники политических методов противодействия терроризму автоматически переносят принципы взаимоотношений развитых демократий друг с другом на отношения с радикальными исламскими кругами и государствами. Более того, вольно или невольно этим кругам приписывается мотивы поведения на мировой арене, аналогичные мотивам, присущим демократическим обществам.

Такой подход не учитывает ключевых особенностей политических культур, основанных на тоталитарных идеологиях. Для носителей такой идеологии, в том числе нацизма, коммунизма и радикального ислама, конфликт с приверженцами иных взглядов не имеет политического решения, он не может завершиться компромиссом и мирным сосуществованием, предполагает в конечном итоге либо уничтожение противника, либо обращение его в свою веру. В свете этого, политическое решение рассматривается как временная передышка, позволяющая перегруппировать силы и подготовиться к новому раунду силового противоборства. Это вытекает из того, что тоталитарная политическая культура абсолютизирует различия между «мы» и «они». В частности, правовое начало в общественных, в том числе политических взаимоотношениях, действует только применительно к отношениям внутри собственной общности, но не к отношениям с другими обществами и культурами. В итоге, попытки до-

биться длительного компромисса в конфликте между демократиями и носителями тоталитарных идеологий обречены на поражение. Неслучайно попытки «умиротворить» нацистскую Германию или сталинский режим потерпели провал. Ни мюнхенское соглашение 1938 года, ни ялтинско-потсдамские договоренности 1945 года не смогли остановить тоталитарную экспансию. Та же судьба уготована договоренностям с исламскими радикалами. Для них единственно возможная форма отношений с иноверцами — священный джихад, непрекращающаяся война до полной победы и установления мирового исламского государства.

Это не означает, что политические методы не играют сегодня никакой роли в противодействии терроризму. Они могут применяться дополнительно к силовым, например, для изоляции террористических режимов и движений, раскола их изнутри, противопоставления умеренных кругов и режимов традиционалистского толка радикальным и экстремистским. Особое значение приобретает вовлечение в антитеррористическую борьбу тех исламских сил, кругов и режимов, которые, логикой обстоятельств, становятся мишенью действий радикальных исламских террористических движений.

Направления международного сотрудничества в борьбе с терроризмом

Тот факт, что террористические организации в последние годы быстро трансформируются в международные, точнее, транснациональные сети и структуры, эффективная борьба с ними невозможна без сотрудничества государств, ставших сегодня или могущих стать в перспективе его жертвами. О таком сотрудничестве говорят и пишут сегодня практически все политики, специалисты и средства массовой информации. Необходимость его подчеркнута во многих ключевых международных документах. Однако его практическая реализация сталкивается с серьезными трудностями.

Уже говорилось о том, что пока не выработаны и не утверждены общее определение терроризма и основанные на нем критерии, позволяющее однозначно выделить террористические организации на фоне внешне сходных политических и общественных групп и движений. Это, в свою очередь, затрудняет составление международных списков террористических организаций. А без этого сложно наладить систематическое международное сотрудничество в борьбе с ними. Пока же в странах, борющихся с терроризмом, существуют свои собственные списки террористических организаций, во многом отличающиеся друг от друга. Так, в России в феврале 2003 года был утвержден Верховным судом список из 15 организаций¹⁰⁴. В Великобритании в соответствующий список внесены 25 между-

¹⁰⁴ ФСБ составила список террористических организаций // Коммерсантъ. — 2003. — 4 февраля.

народных и зарубежных организаций и 14 террористических групп, действующих в Северной Ирландии. Намного масштабней американский список, в который внесены 77 организаций¹⁰⁵. Расхождения в списках позволяют террористическим организациям, запрещенным в одной стране или группе стран, свободно действовать в других странах. В частности, привлекает, например, внимание, что в российский список 2003 года не включены такие террористические группировки, как ХАМАС, Хезболла, ЭТА, Курдская рабочая партия и многие другие.

Составление согласованных международных списков террористических организаций должно дополняться согласованием мер, предпринимаемых каждой страной для борьбы с ними. Такие меры могли бы включать в себя не только запрещение деятельности соответствующей организации на территории данной страны, арест счетов, закрытие штаб-квартир и так далее, но и уголовное преследование руководителей организации и ее активных членов. С этой целью стоило бы согласовать и унифицировать наказания за подготовку и планирование террористических акций на территории других стран и за содействие терроризму. Последнее предполагает, в частности, рекрутирование членов террористической организации; организацию их подготовки, в том числе идеологической; сбор и передача финансовых средств для обеспечения террористической деятельности; пропаганда терроризма и так далее. В связи с этим необходимо совершенствование законодательства и оперативных методов, позволяющих эффективно бороться с внешне не имеющими отношения к террористам благотворительными, религиозными, образовательными, социальными и иными организациями и фондами, служащими прикрытием для вербовочной деятельности и финансирования террористических группировок. Важную роль сыграло бы также принятие международного ордера на арест и утверждение практики поручений на проведение оперативных мероприятий на территории другой страны.

Разработка и утверждение международно-правовой базы противодействия терроризму создали бы прочную основу для сотрудничества в области оперативной деятельности. В настоящее время складываются различные механизмы такого сотрудничества, главным элементом которого является обмен информацией, в том числе разведывательного характера. Наиболее тесным является антитеррористическое сотрудничество между США и рядом европейских стран. Оно, например, включает в себя обмен информацией не только полученной из разведывательных источников, но и сведениями относительно пассажиров международных авиарейсов; просвечивание грузовых отправок; договоренности об экстрадиции лиц, подозреваемых в терроризме. В рамках Европейского Союза создается система институтов, призванных обеспечить эффективный обмен

¹⁰⁵ «Patterns of Global Terrorism 2003». – April 2004. – US Department of State. – Pp. 139-160.

информацией и координацию контртеррористической деятельности правоохранительных органов государств-членов Союза.

Таблица 10

Система антитеррористических институтов Европейского Союза¹⁰⁶

Координатор ЕС по вопросам контртерроризма	Решение об учреждении данного института принято национальными правительствами после 11 сентября 2001 года. Координатор подчинен непосредственно Хавьеру Солане
Рабочая группа по вопросам терроризма	Каждые 6 месяцев оценивает террористическую угрозу и обновляет список наиболее значительных террористических организаций
Специальная группа руководителей полицейских ведомств	Учреждена в 2000 году для укрепления неформальных связей между руководителями полицейских и правоохранительных ведомств государств-членов ЕС в целях обмена информацией и улучшения сотрудничества
Контртеррористическая группа	Состоит из сотрудников внутренних разведывательных служб государств-членов ЕС
Ситуационный центр ЕС	Состоит из экспертов государств-членов ЕС, анализирующих разведывательную информацию, поступающую от государств-членов ЕС. Достигнута договоренность, что Ситуационный центр должен обеспечивать государства-члены ЕС стратегическим анализом террористической угрозы

Весьма важно, в частности, что в марте 2005 года пять государств-членов ЕС, имеющих наиболее эффективные разведывательные службы (Великобритания, Франция, Германия, Италия и Испания), договорились о создании совместной системы связи и предупреждения о террористической угрозе и общей базы данных на лиц, подозреваемых в причастности к террористической деятельности¹⁰⁷. Это – новый шаг в углублении межгосударственного сотрудничества в борьбе с терроризмом. Направивается предложение о постепенном расширении этой системы и базы данных с подключением к ним все большего числа государств, включая на определенном этапе и Россию.

Помимо регулярного и максимально полного обмена информацией о террористических организациях, их членах, планах, инфраструктуре и создания с этой целью совместных баз данных, важное значение имеют:

- совместные усилия по созданию эффективных международно-правовых основ проведения совместных военно-полицейских операций по привлечению к ответственности государств

¹⁰⁶ «The EU's role in counter-terrorism. Coordination and action». – Strategic Comments. – International Institute for Strategic Studies. – Volume 11. – Issue 2. – March 2005. – P. 1.

¹⁰⁷ «The EU's role in counter-terrorism. Coordination and action». – Strategic Comments. – International Institute for Strategic Studies. – Volume 11. – Issue 2. – March 2005. – P. 1.

или квазигосударственных образований, укрывающих террористов или оказывающих им иное содействие;

- создание и эффективное функционирование системы национальных и международных механизмов, блокирующих поступление террористическим организациям оружия и финансовых средств; транспортировку грузов, имеющих отношение к террористической деятельности; отслеживающих перемещение лиц, заподозренных в причастности к террористическому сообществу;
- развитие новых форм международного сотрудничества в области нераспространения оружия массового уничтожения, в том числе, в сфере контрраспространения.

Заключение

Международный, а точнее — мировой или транснациональный терроризм стал в первой половине нынешнего десятилетия стратегической угрозой глобального масштаба. Его главным, наиболее активным и опасным элементом является терроризм радикального исламского толка. Исламские террористы действуют под влиянием идеологических установок, имеющих для них высокую ценность, во имя реализации которых они готовы даже пожертвовать собственной жизнью. Эти установки представляют собой агрессивную, относительно целостную идеологию, имеющую универсальный характер и включающую в себя идею «священной войны» против неверных и вероотступников, к которым относятся правящие режимы многих мусульманских государств. В сущности, для значительной части исламских террористов их собственное существование получает смысл именно в процессе террористической деятельности, включая самоубийство. Присущий современным исламским террористическим организациям фанатизм обуславливает решительность и бескомпромиссность действий, их жестокий, наступательный характер.

Исламские террористические группировки объединяются в глобальные сети; активно проникают в сепаратистские и иные экстремистские группировки, действующие в странах исламского ареала, и зачастую подчиняют их себе. Они пользуются прямой и косвенной финансовой и организационной поддержкой со стороны ряда исламских государств, опираются на многочисленные широко разветвленные и связанные друг с другом благотворительные и иные социальные организации, а также религиозные учреждения. Исламские террористы выбирают в качестве зоны действия не только собственно мусульманские страны, но все те государства, в которых существуют исламские диаспоры. Они ориентируются на акции, причиняющие массовые потери мирного населения, а также на широкое использование террористов-самоубийц.

Радикальные взгляды фундаменталистского толка, являющиеся идеологической основой исламского терроризма, получают все бо-

лее широкое распространение в мусульманском мире. При этом необходимо учитывать растущий демографический потенциал мусульманского географического ареала, контроль мусульманских государств над крупными нефтяными ресурсами а также эскалирующую экспансию мусульманского населения в Европу.

Подъем исламского терроризма после окончания «холодной войны» связан с глубинными процессами, характерными для современного исламского ареала. Социально-экономические сложности, втягивание в глобализацию и незавершенная модернизация создают в мусульманском мире благоприятную социальную, политическую, идеологическую и эмоциональную обстановку для возникновения и роста террористических движений. Главным, а может быть и единственным средством «священной войны» с Западом является терроризм. Это во многом порождается колоссальным разрывом военной мощи между развитой частью мира и исламскими странами. Собственно, у последних просто нет иного инструмента, способного нанести противнику серьезный ущерб.

Необратимый характер глобализации и, соответственно, модернизации традиционных обществ, растущее население мусульманских государств, рост мусульманских диаспор в странах, исторически не принадлежащих к исламскому ареалу, дают основания предполагать, что исламский терроризм представляет собой фактор долгосрочного глобального порядка, влияние которого на мировую политику будет возрастать. По мере роста мусульманского населения европейских государств, США, а также России главным театром террористической войны могут стать крупнейшие мегаполисы развитой части мира, где скапливается мусульманское население, находящееся зачастую в дискриминированном положении. Нельзя исключать возникновения альянса между исламскими экстремистскими движениями и частью левых антисистемных группировок, в том числе антиглобалистского толка.

Опасность, порождаемая современным транснациональным терроризмом многогранна. Террористическая активность может явиться своего рода триггером, «запускающим» цепь событий, результаты которых зачастую предсказать невозможно и которые в ряде случаев не входили в расчеты самих инициаторов террористического акта. Но самое страшное заключается в том, что исламские террористы могут получить оружие массового уничтожения и применить его. Воздействие этого на мировую политику будет сопоставимо с влиянием, которое оказало изобретение ядерного оружия и его применение против Хиросимы и Нагасаки.

Опасность, связанная с возможностью террористических актов с применением оружия массового уничтожения, усугубляется отсутствием надежных механизмов их предотвращения. Сдерживание, в том числе ядерное, не может остановить террористов. Существующие режимы нераспространения ядерного оружия предназначены в первую очередь для предотвращения обретения такого оружия государствами, а не террористическими группами.

Помимо массовой потери человеческих жизней террористический акт с применением оружия массового уничтожения будет иметь крайне тяжелые экономические, политические, социальные и психологические последствия, по своему масштабу намного превосходящих последствия событий 11 сентября 2001 года, в том числе временную или постоянную потерю управляемости страной, массовую панику, крупномасштабные беспорядки.

Ликвидация нынешней волны исламского терроризма предполагает устранение порождающих ее экономических и социо-культурных причин. По сути дела, это сводится к преодолению бедности и завершению модернизации традиционных или переходных обществ и их успешной адаптации к глобализации. Однако это — длительный процесс, перспективы которого пока просматриваются недостаточно ясно, требующий не только крупных материальных ресурсов, но и утверждения в исламском мире новых институциональных и, главное, социально-культурных моделей, что связано со сменой нескольких поколений. Также трудно ожидать быстрого урегулирования региональных и локальных конфликтов, в которых исламские страны и движения сталкиваются с неисламскими. Такие конфликты длятся десятилетиями, причем успешных примеров их урегулирования крайне мало.

Международное сообщество и, особенно, страны, ставшие жертвами террористической активности исламского толка, не могут ждать, когда будут решены эти задачи. На первый план сегодня выходит необходимость ликвидации боевых террористических групп и всей инфраструктуры исламского терроризма, в том числе международных сетей финансирования террористических группировок, рекрутирования новых их членов и обеспечения идеологической поддержки. Необходимо сосредоточить усилия на предотвращении наиболее опасных террористических проявлений, связанных с использованием оружия массового поражения.

Успешная борьба с современным терроризмом невозможна без эффективного международного сотрудничества. Возникает необходимость разработки и совершенствования как правовой базы такого сотрудничества, так и его институционального обеспечения и оперативно-тактических приемов. Ориентация на политические средства предотвращения терроризма не учитывают, что террористы и поддерживающие их государства представляют сегодня прямую, непосредственную и растущую угрозу мировому сообществу. Ситуация требует немедленной, жесткой силовой реакции, в том числе превентивных действий. Принципиальное значение имеет пресечение поддержки террористических организаций со стороны ряда государств и квазигосударственных образований. Все эти обстоятельства приводят к тому, что на первое место сегодня выходит вопрос не о целесообразности, но об эффективности силовой политики. В свете этого, все более актуальным становится объединение усилий государств, оказавшихся в силу разных причин на переднем фронте антитеррористической войны — США, Израиля, Индии, Китая и России, формирование из них стратегического «антитеррористического многоугольника».

**Оценка угрозы терроризма в 9 европейских странах и России, октябрь 2003 года и май 2004 года
(процент согласных с приведенным утверждением)**

Страна		Терроризм – важнейшая мировая проблема	Терроризм – реальная угроза моей стране	Терроризм – угроза моему благополучию	Борьба с терроризмом должна быть среди важнейших приоритетов моего правительства	Борьба с терроризмом отрицательно сказывается на правах человека
Франция	Окт-03	71	66	32	64	42
	Май-04	84	72	36	76	55
Германия	Окт-03	94	48	23	62	44
	Май-04	95	54	28	77	51
Италия	Окт-03	81	73	50	71	50
	Май-04	89	77	49	87	57
Нидерланды	Окт-03	96	71	32	62	50
	Май-04	95	69	26	59	53
Португалия	Окт-03	68	55	45	54	63
	Май-04	67	63	41	76	66
Норвегия	Окт-03	98	58	18	85	62
	Май-04	97	60	18	84	69
Россия	Окт-03	84	87	48	74	54
	Май-04	88	88	42	72	59
Испания	Окт-03	79	87	65	78	51
	Май-04	89	89	70	87	65
Швейцария	Окт-03	88	24	32	47	58
	Май-04	92	28	37	56	53
Турция	Окт-03	97	89	80	84	80
	Май-04	94	81	67	79	78

Источник: http://www.esag.info/pdf/ComparativeStudy2003_2004_EN.pdf

Социальные характеристики членов некоторых террористических группировок

	Террористы-самоубийцы			«Обычные террористы»	
Организация / страна	ХАМАС / Израиль	«Черные тигры» / Шри Ланка	Курдская рабочая партия / Турция	США	Германия
Пол	Мужской	Соотношение женщин / мужчин 3:2	В основном женщины	Левые группы с преобладанием женщин, правые – с преобладанием мужчин	
Возраст	18-27	14-16	17-27	По одним исследованиям средний возраст – 22-24 года по другим: члены левых групп – 35 лет, правых – 40 лет	Для левых групп характерно преобладание молодых возрастов, для правых – сочетание людей разных возрастов
Семейное положение	Холостые			Холостые	
Образование	Законченное среднее		Не имеют профессиональных навыков и знаний	Члены левых групп в большинстве с высшим и незаконченным высшим образованием; члены правых групп – в основном с незаконченным средним	
Социальное происхождение			Бедные семьи	Члены левых групп часто происходят из состоятельных семей среднего класса	
Занятость	Безработные	Безработные		Для членов левых групп характерна занятость, требующая профессиональных знаний, для правых групп – значительная доля безработных	
Идеологическая направленность	Исламский фундаментализм	Национализм	Национализм	Для левых групп – марксизм и другие революционные теории	

Приложение 3

Отношение европейцев к мусульманской диаспоре
(Доля считающих, что в настоящее время в их стране существует
сильное недовольство фактом проживания мусульман в Европе)

Страна	Уровень недовольства проживанием мусульман (%%)	Доля мусульман в населении (%%)
Швеция	75	0,3
Нидерланды	72	4,3
Дания	67	0,7
Швейцария	67	4.1
Австрия	65	4,3
Бельгия	65	3.4
Германия	61	3,8
Финляндия	56	1,2
Испания	48	1,7
Италия	44	1,7
Великобритания	39	3,4
Греция	35	1,1
Центральная Европа (Болгария, Чехия, Венгрия, Польша, Румыния, Словения)	30	1,3

Источник: Исследование, проведенное GfK Ad Hoc Research Worldwide по заказу Wall Street Journal Europe. См.: «A Test to Multiculturalism». – «The Wall Street Journal Europe». – December 10-12, 2004. – P.A3.

Научно-координационный совет по международным исследованиям (НКСМИ) МГИМО (У) МИД России создан в мае 2004 года в целях развития и углубления аналитической работы Университета в области международных отношений, придания ей системного и прогностического характера, проведения экспертизы и обоснования внешнеполитических инициатив и мероприятий. В сферу научных интересов НКСМИ входит изучение концептуальных аспектов внешней политики России, выявление и исследование тенденций эволюции и развития международных процессов, анализ крупных и актуальных международных проблем.

НКСМИ является правопреемником и продолжателем исследовательских и аналитических структур МГИМО (У) – *Проблемной научно-исследовательской лаборатории системного анализа международных отношений* (1976-1990 гг.) и *Центра международных исследований* (1990-2004 гг.).

В настоящее время в состав НКСМИ входит восемь научных центров:

- Центр глобальных проблем
- Центр постсоветских исследований
- Центр исследований проблем войны и мира
- Центр евро-атлантической безопасности
- Центр Кавказских исследований
- Центр исследований Восточной Азии и ШОС
- Центр ближневосточных исследований
- Центр региональных политических исследований

Председатель НКСМИ – А.Ю.Мельвиль, проректор по научной работе МГИМО (У), доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ.

Директор НКСМИ – А.А.Орлов, профессор кафедры ЮНЕСКО по правам человека и демократии МГИМО (У), Чрезвычайный и Полномочный Посланник.

Сайт НКСМИ в интернете: www.mgimo.ru/ktsmi

«Аналитические доклады Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России» посвящены ключевым проблемам современной мировой политики и международных отношений. Готовятся входящими в состав НКСМИ МГИМО (У) научными центрами, а также известными российскими дипломатами, учеными, общественными деятелями. Рассылаются в Администрацию Президента Российской Федерации, органы исполнительной и законодательной власти, российские представительства за рубежом, профильные научно-исследовательские центры системы РАН, ведущие политологические центры, а также крупные библиотеки.

Сопоставление различных взглядов на актуальные проблемы современной мировой политики поможет более полно, многогранно и объективно предствить читателям суть обсуждаемых вопросов, а также стимулирует научную дискуссию, содействующую формированию внешнеполитических стратегии и тактики Российской Федерации, в наибольшей мере отвечающих ее национальным интересам.

Сайт «Аналитических докладов» в интернете: www.mgimo.ru/ad

Связь с редакцией по адресу: ktsmi@mgimo.ru

Юрий Евгеньевич Федоров, профессор МГИМО (У) МИД России, один из ведущих российских специалистов по вопросам международной безопасности и политики безопасности России. Автор многочисленных работ в этих областях, опубликованных в России, США, Швеции, Франции, Финляндии и других странах. Долгое время работал в исследовательских институтах

Академии наук СССР и Российской Федерации, занимающихся международной проблематикой. Несколько лет являлся заместителем директора по научной работе частных российских исследовательских центров. С 2003 года работает в МГИМО (У) МИД России, читает циклы лекций по военной политике России и глобальным стратегическим вопросам. Член Международного института стратегических исследований (Лондон).

Центр исследований проблем войны и мира создан в рамках Научно-координационного совета по международным исследованиям МГИМО (У) МИД России в мае 2004 года. Его главной задачей является подготовка исследовательских и аналитических материалов по актуальным военно-политическим вопросам современности, адресованных политическому, деловому и академическому сообществам России.

Директор Центра – профессор МГИМО (У) Федоров Юрий Евгеньевич.